

ПОСМЕРТНАЯ СУДЬБА ПОЭТА

Размышления Станислава Куняева о творчестве Юрия Кузнецова и воспоминания о нём, на первый взгляд достаточно “книжные” и сложные для неискущённого читателя, тем не менее вызвали обильную редакционную почту.

Многие наши читатели, получив в августовском и сентябрьском номерах журнала книгу “И бездны мрачной на краю...”, откликнулись на её публикацию самыми разнообразными соображениями, и не только о поэзии Кузнецова, но и “о времени и о себе”, и о судьбе искусства в современном мире, и вообще о жизни, которой мы живём. Одним словом, преодолевая рознь мира сего, сугубо литературная ткань, словно бы окроплённая живой водой, срослась, встrepенулась, задышала воздухом “почвы и судьбы”.

Мы публикуем часть этих писем, которые свидетельствуют о том, что наши читатели не опустили, не одичали, не сгнули в дебрях рыночной экономики и общества потребления, но мыслят и чувствуют, как это бывало в лучшие времена, когда литература была не просто чтением, но и своеобразной “религией”: и мировоззрением, и самопознанием человека. По существу, такого рода читательское эхо есть необычная, на наших глазах рождающаяся, новая и небывалая по своему жанру книга о выдающемся поэте — нашем современнике Юрии Кузнецове.

* * *

Дорогой Станислав Юрьевич!

Хочу поблагодарить Вас за новую книгу о Юрии Кузнецове, его судьбе и творчестве.

Получился многогранный образ, многим русским читателям во всей полноте ещё неведомый. Благодаря Вам предстал перед нами великий русский поэт во всей своей силе, с котомкой заблуждений идущий босым по русской дороге к Божьему Престолу.

Когда-то Юрий Поликарпович, написав поэму “Сошествие в ад”, говорил мне, что поэма москвичам и критикам не по зубам. Может быть, лет через пятьдесят что-то и поймут, но не сейчас.

В “Дне литературы” в 2003 году был напечатан мой отклик на эту поэму — “Ветка омелы”, где эмоции зашкаливали, и многие образы от восторга становились размытыми, вместо того чтобы обрести ясность.

А у Вас всё получилось: и творец, и человек.

Многие патриоты и либералы обвиняют поэта в гордыни и непонятности. Евтушенко, будучи в редакции пермской газеты “Звезда”, на мой вопрос о Кузнецове назвал его “мрачным”, а потом добавил, что когда он смотрел на собеседника, то невозможно было знать: то ли руку пожмёт, то ли по морде даст...

Ладно, что так думали либералы, — они должны бояться русских поэтов! Но почему тревожились мои собратья? Мне непонятно. Знал я Юрия Кузнецова лучше многих и могу сказать, что был он ранимым и честным человеком, зря никого не обижал, ну, может быть, поляков только, хотя и они заслужили...

Соглашусь с Вами, Станислав Юрьевич, что Поликарпыч заблуждался насчёт творчества Пушкина, о чём Вы подробно написали в книге.

17 февраля 1992 года мной было подготовлено интервью с Кузнецовым для молодёжной газеты “Молодая гвардия”, где на мой вопрос о том, почему Пушкин в своём стихотворении “Я памятник себе воздвиг нерукотворный...” вспомнил финна, тунгуса и “друга степей”, но ни слова не сказал о русском, Юрий Кузнецов ответил так: “Это стихотворение имеет богатую традицию и идёт от Горация: “Нет, весь я не умру...” – чистый Гораций. Пушкин написал это стихотворение за год до своей гибели. Написал очень противоречиво:

*И славен буду я,
Доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит...*

Он не написал, что “жив будет хоть один...” – русский! Он крест поставил на всей русской нации. Закрыв русскую тему, на мой взгляд, ещё в 1836 году. “Что чувства добрые я лирой пробуждал”, – никаких он добрых чувств не пробуждал! “Полтавой”, что ли?”

Вот и таким был Юрий Поликарпович! И разве это не интересно русскому читателю? И в Вашей книге очень уместными показались мне посмертная маска Пушкина и прижизненная маска Кузнецова работы Петра Чусовитина, на которой поэт улыбается чему-то... Пусть это останется нашей русской загадкой. А кто хочет хоть немного приблизиться к отгадке – пусть прочитает книгу Станислава Куняева о творчестве Кузнецова “И бездны мрачной на краю...”

Прочитавший
Игорь Тюленев
Пермь

* * *

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Вы исполнили гражданский долг, написав и опубликовав в “Нашем современнике” воспоминания о великом поэте Ю. П. Кузнецове с анализом его творчества. Замечательно то, что подача материала не однобока, выполнена с предельной искренностью и объективностью. То, что факты биографии и чёточки характера Юрия Поликарповича зафиксированы, уже само по себе крайне важно, чтобы они не были забыты и искажены.

Впервые “наткнувшись” на Ю. Кузнецова, я тут же его тоненькую книгу ценой копеек 20–25 выменял за помпезное издание стоимостью более двух с половиной рублей (для книги в советские времена очень большая цена) – сборник бардовских песен. Тогда будущие либералы, будущие эмигранты и те, кто сразу родился эмигрантом, ценили Кузнецова, так как противопоставляли его “официозу” и конъюнктурщикам, хотя сами как раз конъюнктурщиками и были. Но начали прозревать, увидели опасность Кузнецова для себя – поэтому и отдали мне книгу, обменяв на том “своих” авторов.

Я, естественно, внакладе себя не считал. И тогда же подумал, что “олимпийство” у поэтов может быть разным – вплоть до юмористического отношения к нему и иронического к себе. “Буду я и каменный навеселе”, – писал Николай Михайлович Рубцов. Но ведь и “Я знаю, что гвоздь у меня в сапоге / Кошмарней, чем фантазия у Гёте” Маяковского – отнюдь не самонимение, не самопревозношение, а... С одной стороны – юмор, а с другой – **понимание** кошмарности иного гвоздя, способного довести до самоубийства. Но “олимпийство” Кузнецова было прикладным: привлекая эпатажностью внимание к личности поэта, оно обеспечивало прочитываемость его “пропагандистских” текстов, то есть помогало “достучаться” до молодых и любознательных голов.

Одиночество Юрия Поликарповича сродни одиночеству Лермонтова, возможно, и Данте, и было predeterminedено поисками... не одиночества, а своего пути. “Звать меня Кузнецов. Я один. / Остальные обман и подделка”, – воспринимается как противопоставление всё-таки **не всем** “остальным”, а тем, кто тогда гремел, как пустой барабан или нечистая сила в дупле – эстрадникам, “громким поэтам” с их претензиями на звание “властителей дум” поколения.

Осмысливать и истолковывать Юрия Кузнецова мы будем ещё очень долго. С литературой настоящей иначе быть и не может. Ведь, скажем, в Пушкине, Достоевском, Лермонтове мы всё ещё продолжаем открывать новые смыслы, особенности, нюансы. Подлинная поэзия никогда не может быть истолкована до конца.

Так и с Кузнецовым. А вдруг (особенно **пока**) не всё у него можно понять, тем более что Юрий Поликарпович явно сам не всегда понимал смысл того, ЧТО говорил (писал), зато он передавал бумаге и миру услышанное и увиденное вовне этого мира (но внутри себя), передавал другим, чтобы и они увидели и услышали, и, может быть, поняли. Чтобы были **предупреждены**, то есть хоть чуточку вооружены. Ещё до тех пор, когда “всё тайное станет явным”.

Его стихи... прививка от Тьмы. (Как, на проверку, и роман М. Булгакова, вызывавший у Кузнецова сомнения.)

Изумившие меня (давно) строки “Для того, кто по-прежнему молод, / Я во сне напою лошадей. / Мы поедим во Францию-город, / На руины великих идей” и ныне, после переоценки истории Запада, остаются не менее значимыми и понимаются уже несколько иначе. Во Франции (на территории современной Франции) когда-то жили кельты – галлы. Но тогда это был не “город” – “изобретение” Каина. “Изобретение” внедрено – отсюда братоубийство франков (будь то во времена их захватнической войны с галлами, при Бонапарте или Саркози в Ливии) и... самоубийство – по Шафаревичу – превращение в руины великих идей (духовного, а не техногенного развития).

Идея эта, может быть, не конкретно французская, а идея Человечества. Однако, похоже, именно во Франции разрушительные анти(?)идеи темнивших “просветителей” прежде всего начали приводить к руинам европейскую цивилизацию. Похищение Европы сейчас слишком очевидно. Но... ни сами “благородные” европейцы, ни наши либералы не видят этого. Юрий Кузнецов и пытался показать нам **эту** всемирную Францию-город.

Я ни в малейшей мере не собираюсь возражать Вам, просто рассуждаю, высказываю своё понимание (частичное) и непонимание. Вообще же, пожалуй, все его образы-символы многослойны и, кажется, имеют вариантность трактовок, что вовсе не плохо. Моё восприятие поэзии Юрия Кузнецова, как мне кажется, наиболее близко к кожиновскому. “Надпись на афише была многозначительной: “Новые веяния в современной поэзии” кажется очень важным. Вадим Валерьянович в десятку попал: Кузнецов нов, а не постмодернизм, метаметафоризм и тем более не нынешние претензии “актуальной (!) поэзии”. И думается, некоторое противопоставление Н. М. Рубцова и Ю. П. Кузнецова возможно лишь весьма условно – просто у них разные методы. Они как бы две руки одного человека или два взаимонеобходимых крыла современной русской поэзии, обеспечивающих её взлёт-полёт. Если это противопоставление, то лишь противопоставление полюсов (плюс и минус здесь опять-таки условны и не оценочны), которые и создают магнитное поле и которые друг без друга невозможны.

Очень интересным мне представляется Ваш мысленный эксперимент с его стихами “Толклись различно у ворот / Певцы своей узды, / И рифмовальщики пустот, / И общих мест дрозды”. “Почему бы, подумал я... вместо слова “узды” не поставить слово “судьбы”?” – пишете Вы.

Знаете, я пробовал! И неоднократно. Не тут, а во многих других местах “заменял” кузнецовское слово на другое. Сознательно. Не потому что слово не нравилось, а потому что как-то нашёл дополнительный способ проверки истинности поэзии. Так вот у многих, в том числе очень громких авторов, ныне благоденствующих и не очень на Западе (не называю имён, дабы не обидеть... не их, а их поклонников, не сумевших “свалить за бугор”), замена слов, а то и строк **обычно** не портила ни стиля, ни образа, и смысла не искажала (иногда, наоборот, улучшение было налицо). А попытка заменить хотя бы одно слово у Юрия Поликарповича приводила к катастрофе – ухудшалось, а то и разрушалось всё! И это говорило о неслучайности каждого слова. Его строка – цельна и правке не поддаётся! И это, на мой взгляд, один из важных показателей настоящих стихов.

Читая строки Юрия Кузнецова, видимо, трудно говорить о буквалистике. Миф вообще иносказателен. Даже в “осколках” мифов, например, в сказке о Курочке Рябе речь идёт (точнее, шла в момент создания) не о курочке и не о просто яйце, хоть и золотом. Посему “глубины, где слова молчат”, не толь-

ко страшны. Конечно, “в начале было Слово”. Но противоречия Евангелию тут нет. Ибо в Евангелии — “Слово”, а тут — “слова”. Что не одно и то же. А кроме того, напомним: “Мысль изреченная есть ложь”! Да ведь и само название стихотворения Фёдора Ивановича Тютчева — “Silentium” — есть призыв помолчать. И **молчание слов** как раз **говорит** о многом. Правду.

Ужасы Юрия Поликарповича пугают до мурашек по спине. Но всё сверхъестественное у Кузнецова — реально существующее, настоящее. Отрыв от реальности потребовался Кузнецову как раз для её понимания, для взгляда со стороны (или сверху) — “большое видится на расстоянии”. Поэтому не удивительно его разочарование в “единственном поэтическом лице русской истории” Степане Разине. И уж тем более — в Емельяне Пугачёве, фигуре тёмной, про которую народ даже песен не сочинил. Они, если отстраниться чуть-чуть от романтического флёра, может быть, и не герои вовсе. Ведь сказал же о “подвигах” одного из подобных героев мудрец Н. Клюев (к числу мифотворцев нашей поэзии кроме А. Т. Твардовского, на мой взгляд, стоило бы отнести ещё и его): “Сызрань, Астрахань, Саратов / В небо полымем пустил”! Пустил в рас-пыл, в пыль! Да, Юрий Поликарпович Кузнецов видел и осознавал распад Европы и мира, как “фиксировали” его русские мыслители с “корабля философов”, как Шекспир (“Распалась связь времён”). Пожалуй, хоть и смутно, но чувствовал переход в тлен и пыль Р. Киплинг. Он ведь в упоминавшемся Вами стихотворении своих солдат — “носителей великих идей” Запада — погрузил в пыль, ими же поднятую.

Предчувствия и предупреждения Юрия Поликарповича были своевременны, но не были услышаны — судя по событиям в Донецке, Луганске и на Украине и по тому, что “весь прогрессивный мир” одобряет коричневых, вообще фашизируется. В нашем же отечестве “рас-пыл” *маркитанты* теперь цинично переименовали в “рас-пил”. Вместе с тем “пыль” у Кузнецова несравнимо многозначней, чем у Киплинга, как будто у встревоженного русского поэта есть желание вос-создать распавшегося человека из пыли (вернуть из крутящейся воронки), как Господь создал его из горсти праха, из персти земной. Кстати, такое намерение — не самомнение, а соблюдение заповедей: если человек сотворён по подобию Бога, то и должен быть творцом, должен “помогать” Господу.

Великие видения и великие дела героев Кузнецова происходят в многослойных снах. Кого-то это может удивить, но мне это (отнюдь не в ироническом или саркастическом смысле) напомнило Илью Обломова, которому “во сне спать хочется”. Под влиянием Юрия Поликарповича у меня произошла переоценка образа Обломова. Может быть, и сам Кузнецов по-своему Обломов, который на поверку оказывается героем?! Не зря же Гончаров дал ему то же имя, что и у Ильи Муромца! Тогда приходится переосмыслить понятие “обломовщины”. Илья Ильич очень уж напоминает героя Юрия Поликарповича, который проснётся, вырвет дерево с корнем — и опять засыпает. Да ведь то, что Обломов — “спящий богатырь”, а не лентяй, доказал и сам его создатель — через реплику Штольца, который напомнил Илье Ильичу, что у того ни бумаги, ни чернил не было, а как только **надо стало** письмо Ольге написать, так **сразу же** появились и **лучшая** бумага, и чернила английские, и слог — хоть в литературные журналы посылай! Стало быть, Обломов ничего не делает вовсе не из лени, а потому, что у него уважительной мотивировки к деятельности нет! А поставь ему цели достойные — он же и дерево вырвет, и горы свернёт!

И, если верно предположение, что Ю. Кузнецов “подбирал весь апокалиптический мусор...”, то ведь, по заявлению древнегреческого философа, “знания — столь ценная вещь, что их не зазорно черпать из любого источника”. Очень интересное замечание, что “откровения Кузнецова не всегда стихи или вообще не стихи”, верно и в том смысле, что они **не только** стихи. **Одновременно** это ещё что-то другое. Мне кажется, что Юрий Поликарпович вообще расширил понятие “стихи”. Это во-первых. А во-вторых, каждому моменту времени — свои стихи. Ф. М. Достоевский на этот счёт приводит же соображение, что если бы в “погибших Помпеях” была типография, и она бы уцелела, и на другой день после трагедии в городе вышла бы газета со стихами прекрасного поэта “Шёпот, робкое дыханье, трели соловья...”, то оставшиеся в живых граждане Помпеи собрались бы и непременно убили бы своего лучшего поэта. А мы ныне напоминаем жителей знаменитого погибшего города — и нам не за что убивать Кузнецова! Это, кстати, объясняет и замечание о “пе-

чати времени”, и о чувствовании его (времени). А вдруг на них (стихах Юрия Кузнецова) “нет печати времени” опять-таки лишь в том смысле, что на них печатать всех времён, так как поэт “не мельтешил”, **не на частности** “реагировал”, а (сразу) на их общие причины. Так, нет датировки и в самом “Апокалипсисе” (срок только Отец знает!). При этом стихи очень **ко времени**.

А вообще меня впечатляет и радует то, что русские поэты и мыслители (например, Кожин, Рубцов, Передреев и Вы), даже при кажущихся частичных несовпадениях позиций и порой действительной разобщённости, защищают каждый свой окоп, каждый делает своё (то есть общее!) дело. Это одно из отличий русской литературы от русскоязычной.

Вы своевременно предупреждаете будущих читателей Кузнецова: “Знания, которыми он делится с нами, не для слабых. У него не было, к сожалению, пушкинской способности фильтровать “зло мира сего”. Сказано точно, но, пожалуй, у Юрия Поликарповича есть если не оправдание, то смягчающее вину обстоятельство. Он осознал, что находится в жесточайшем цейтноте. У поэта не оставалось времени на “фильтрацию”, и потому Кузнецов спешил сказать то, что мог успеть. Он оказался в положении сербского технического гения Николы Теслы. Тот, удивляясь “американской тупости” и возмущаясь ею, сообщал научные истины для немедленного внедрения в производство, но ему мало кто верил, ибо никто не понимал. От Теслы требовали математических доказательств, а он, не успевая записывать, все расчёты проводил в уме. В результате множество его ценнейших изобретений до сих пор не внедрено, хотя многие утверждения **теперь** доказаны! Н. Тесла решил жить 120 лет – и до ста “выдавать” технические идеи и выводы, а последние двадцать лет посвятить математическим доказательствам своих формул. Но умер в возрасте около девяноста... Вот и Юрий Поликарпович покинул наш мир прежде, чем предполагал. Но торопился сказать и показать – имеющим уши и глаза.

Да ведь и “Для того, кто по-прежнему молод...” можно трактовать не столь однозначно, как я уже сделал ранее. Похоже, ещё в молодости Юрий Кузнецов уже отдавал себе отчёт, что от “великих идей” (скажем, эллинских или сомнительных римских) остались лишь руины (ведь мы же, современные, задним числом “болеем” за греков, а не за персов, хоть и те тоже вроде “наш народ” – и расизм тут ни при чём.) Потому что Европа **уже** тогда была не в состоянии оплакивать “чужие священные камни”, которые, на поверку, чужими-то для “европейцев” как раз и оказались. Немцы же признают, что раскопки на территории Германии обнаруживают **нашу** (русскую) историю. Может быть, поэтому “Отдайте Гамлета славянам”? Как и Атилу или “немецкого”, (по мнению Феликса Дана) князя по имени **Валадимир** (Sic!).

Очень важно для понимания Юрия Поликарповича Ваше тончайшее замечание, например, о том, что Кузнецов вслед за Гоголем путает “ландшафт” и “пейзаж” с “природой”. Крайне важной мне представляется и “защита Пушкина” (“нашего всего!”) от Кузнецова, не одобрявшего введённых Александром Сергеевичем ритмики и рифм, тем более что ритмы эти и рифмы были в русской народной поэзии задолго до Пушкина – и народ сам их создал, а ни от кого не позаимствовал.

Глюки, галлюцинации... Его хождение по краю, сбор разведанных в *мире тёмных* – нагрузка для человека чрезмерная. А несанкционированный вынос информации для и ради нас, неосведомлённых, пребывающих в *неведенье счастья*вом, не мог остаться безнаказанным. Может быть, его и “пасли” за “контрразведческую” деятельность, за наблюдательность – и... заразили гордыней? Но он противостоял, как мог! И тут задумываешься: а мы могли бы? Ведь многие куда менее даровитые не устояли. Много *их, упавших в эту бездну*, но и их мы едва ли можем осудить, ибо мало безгрешных.

Феномен почти мистического интереса и любви к Кузнецову отчасти может быть, наверное, объяснён тем, что мы неосознанно любим свои (забытые) мифы – именно поэтому и любим Ю. П. Кузнецова, который воскрешает нашу (генетическую?!) память. Мы любим в нём именно своё, отнятое у нас.

“Страшную связь добра и зла” Юрий Поликарпович, на мой взгляд, не фиксирует, а, напротив, разводит эти понятия не менее решительно, чем православно мыслящий англичанин, не-западник Клайв Льюис в замечательной книге “Расторжение брака”. Кузнецов доказывает, особенно в конце своей жизни, их несовместимость. И в этом тоже его великая заслуга. Люблю Кузнецова за его стихи и за подвиг!

И удачно Вы обратили внимание на то, что есть **разный** Пушкин – в зависимости от возраста. А то ведь патриотов часто бьют цитатами из Александра Сергеевича, хотя у него можно найти прямо противоположные утверждения. Но ведь теперь ясно, что есть и **разный** Кузнецов. У Вас он – в развитии и... идёт к свету. Читатель может быть Вам благодарен за неодносторонний показ поэта. Ваш опубликованный материал представил (мне, по крайней мере) **нового** Кузнецова, в котором, может быть, как раз и слились все противоречия России и русского характера – они-то и разрывали его, шедшего по “разрыв-дороге”. Другой бы не выдержал.

Ещё кое-что о конкретных стихах, упомянутых в вашей публикации.

Потрясающе по силе воздействия и по “раздеванию Европы” стихотворение “Петрарка”. Но... удаётся ли его довести до “Европы пригожей”? Вроде бы всё очевидно, но до сих пор даже русские этой проблемы не видят. Несмотря на светловского “Итальянца”. Гордым потомкам Петрарки пора бы признать, что они (итальянцы) вовсе не потомки римлян. Они – на что им ещё византийцы указывали! – из куда менее славного племени франков. Уж не забыли ли они, что как раз **генуэзская** (архиепископу именно этого города писал письмо Петрарка!) пехота шла с Мамаем “цивилизировать” нас? И уж точно не помнят, что сам Александр Македонский (представитель классической античности, не им чета!) не сумел покорить нас – скифов, чьи лица так омрачали жизнь “возрожденца” Петрарки. Но, может быть, благородный Петрарка покупал для утончённых, разумеется, утех дев-рабынь со скифскими чертами? И может быть, скифянки даже облагородили породу цивилизаторов, но, ввиду малости процента населения, не спасли их от морального вырождения до уровня дуче?! А уж ныне Запад всё больше фашизируется и демонизируется, однако... даже не все русские это замечают. Что, кстати, является дополнительной причиной необходимости популяризации творчества поэта Юрия Кузнецова.

Удачность и ёмкость слова “легионеры” в стихах Д. Андреева, пожалуй, станет ещё очевидней, если вспомнить евангельское слово о бесах: “имя им легион”. Вот ведь и у Кузнецова “цивилизаторы” – суть служители сил ада.

Конечно же, зря Юрий Кузнецов спорит с Игнатием Брянчаниновым. Это и не продуктивно, и... силы (познания духовные) слишком уж не равны, и, увы, он нечаянно может сбить с толку “малых сих”. Посему надо за Юрия Поликарповича молиться. И всё-таки цель и смысл его бунтарства выражены словами: “Дай мне смиренную старость и мудрый покой”!

А поэма Юрия Поликарповича – это **духовный** Нюрнбергский процесс. Или **гамбургский счёт**. Сам **человек** написать **такое** не может. Может быть, это изображение становится доказательством его правоты. Ведь пути Господни неисповедимы. У каждого свой выбор и свой путь.

Михаил Муллин
Саратов

Миф – линза для восприятия современности

Во второй половине сентября я находился проездом в большом приволжском городе. Времени до отъезда было всего ничего, и мы с моим товарищем и коллегой живо – с пятого на десятое – обсуждали литературные новости и дела. В разговоре в связи с публикацией в “Нашем современнике” возникло имя Юрия Кузнецова. “Не понимаю”, – сказал откровенно мой товарищ, имея в виду несовпадение своего мировосприятия с творчеством поэта. Я же сразу вспомнил поэму “Змеи на маяке”, сказав, что своим развёрнутым в современность мифом она меня в своё время заворожала.

По возвращении домой я извлёк из почтового ящика 9-й номер “Нашего современника” и первым делом прочитал заключительную часть фундаментальной работы Станислава Куняева о жизни и творческом наследии Юрия Кузнецова. В памяти возник недавний разговор. Я задумался: почему одного человека стихи, оплодотворённые мифотворчеством, оставляют равнодушным, а у другого при чтении их начинает учащённо биться сердце?

Лично меня к стихии мифологизма тянуло всегда, а если определённое – со школьных лет. В 6-м классе мы писали изложение по картине В. Васнецова “Три богатыря”, и я, по всей видимости, вышел “за рамки полотна”, дав волю

фантазии. В итоге учительница зачитала моё сочинение перед всем классом, назвав лучшим, а я, в те поры записной “троечник”, почувствовал удивительный прилив сил – это был главный урок в школе, а по большому счёту – и в жизни, потому что с того времени началось обретение себя, своего назначения.

Вернусь к Кузнецову. Не стану утверждать, что поэма, о которой я упомянул, была для меня откровением, некой “точкой отсчёта”. Нет. Но она, как сейчас понимаю, стала путеводно-творческой вехой в череде других произведений прозы и поэзии. До неё – “Капитанская дочка” Пушкина, предметнее – сказка-притча про орла и ворона, одухотворённо воздымающая это произведение над бытом. Далее “Пан” Кнута Гамсуна – роман, который связался в моём восприятии с мистической графикой начала XX века, с полотнами Чюрлёниса. А уже в близких с той поэмой 70-х – “Сто лет одиночества” Маркеса, “Царь-рыба” Астафьева, “Прощание с Матёрой” Распутина, “Библейские повести” Лагерквиста и, как, может быть, странно в этом ряду, – тетралогия “Братья и сёстры” Абрамова...

Абрамов, мой земляк, наставил меня, как важна память детства, деревенское бытие, в котором я обретался первые семь лет жизни. И ту повесть, с которой я веду отсчёт своего скромного творчества, – “Арап – чёрный бык”, – я писал под его влиянием, однако же держа в уме и нечто иное. Ещё не ведая о термине “магический реализм”, главным персонажем повести я сделал могучего быка Арапа, которого явила на свет в годы войны, словно вытолкнув из своих недр, сама мать-сыра земля. Живая плоть и одновременно символ народного горя и народных чаяний; надежда и опора деревни и одновременно жертва беспощадных партийных установок – вот что такое этот бык, явившийся мне из переживаний и видений моего детства.

Бытописание – не моя дорога. Обилие бытовых мелочей, чем грешат произведения современников, на мой взгляд, не создаёт картины бытия, а только дробит, размывает её. Не от любви, любования это идёт, а от способности выбрать точную деталь (пример у Чехова: бутылочное стекло на мельничной плотине) – вот отчего, мне думается, такое происходит. И если у бытописателей XIX века это воспринимается как новаторство, то нынешнее “измельчание” выглядит, по меньшей мере, архаикой. Диагноз такому восприятию и его словесному отражению поставил большой русский прозаик, мой земляк Владимир Личутин: “фасеточное зрение”. Таким зрительным бредешком не уловить время. Глобальность бытия подвластна только мифу, мифологии. Небольшая притча, по-моему, глубже представляет Божий мир, чем многостраничный роман, ибо она, как линза, концентрирует суть и сводит все житейные лучи в горячую, обжигающую точку.

Вот такие мысли возникли в связи с именем Юрия Кузнецова и новой работой Станислава Куняева “И бездны мрачной на краю...” Великий поэт – это о Юрии Кузнецове. Портрет, достойный его личности, – это о книге Станислава Куняева.

Дорогой Станислав Юрьевич! Сердечное спасибо за подарок! Восхищаюсь Вашей работоспособностью. Ещё не остыли страсти по книге о “серебряном веке”, как на руках – новая работа, причём столь же яркая и убедительная. Здесь в единстве переплелись мысли и чувства современника, близкого по духу товарища, соратника, поэта, литературоведа-аналитика, потому и результат получился многогранным и полифоничным. Поздравляю! Здоровья Вам, крепости духа и творческой неизбывности!

Искренне Ваш, **Михаил Попов**
из града Архангела Михаила

* * *

Дорогой Станислав Юрьевич!

Великое спасибо Вам за книгу о Юрии Кузнецове. Прочитал запоем, вспоминая и свои встречи с Юрием Поликарповичем, с которым имел честь откровенничать в Нижнем Новгороде, а также в редакции “Нашего современника” за бутылкой красного Краснодарского, заедаая это волшебное вино славным краснодарским караваем. Да, чуткий, проникновенный был поэт-

провидец и трепетный человек, душа которого не вмещалась в его плоть, а выпирала наружу, взыскую отклика и сочувствия, но только в кругу самых близких для него друзей, с кем можно было делиться и смятениями, и болью, и страстью, и отречением от всей сволочной неправды, которая была и остаётся на растерзанной Руси. Он был среди нас самым чутким сейсмографом. И многое, что им было сказано при наших встречах, явилось в недолгом времени великими потрясениями, бесовщиной и презренной ложью, когда все мы подались на примирение с тем, что сбросило маску и топтало нас, как хотело. То ли мы ошиблись в народе, то ли народ ошибся в нас, не важно это! Важно, что смута, бесовская смута понудила многих из нас к малодушию и покорности перед неправдой и предательством.

Очень своевременная эта Ваша книга “И бездны мрачной на краю...”, и я не переставляю её со стола на полку, снова и снова перелистывая страницы вешего Поликарповича. Спасибо Вам, что поделились и со мной этой книгой, как живительным караваем хлеба, что приводит в чувство и не даёт сломиться душе.

Кланяюсь Вам и Вашим соратникам в столице.

Валерий Шамшурин

Нижний Новгород

* * *

День добрый, Станислав Юрьевич!

Закончил читать книгу “И бездны мрачной на краю...” по третьему кругу. Все книги привык читать с карандашом (жена ворчит, но уже привыкла) — с вопросами, сносками, вставками. Та же участь постигла и Вашу книгу. Она замечательная, умная и неоднозначная. И очень нужная. Много вопросов. Надо их собрать в одну котомку, подумать самому, потом, что не понятно, спросить у Вас.

Самое первое впечатление, по горячему, только что прочитанному, я Вам отправлял. Это на уровне эмоций — не надо было и отправлять. На семинарах я часто обращался и ссылался на “Поэзия. Судьба. Россия” (журнальный вариант). Теперь появилась ещё одна опора — “И бездны мрачной на краю...”, к которой, с Вашего разрешения, буду обращаться и ссылаться на своих семинарах.

Юрий Поликарпович иногда появлялся в Литинституте. Не знаю, может, он вёл семинары на других курсах. У нас вели Николай Старшинов и Лариса Васильева (я был у Старшинова). В перерывах, если был Кузнецов, его всегда окружали, спрашивали о чём-то. Я тоже там топтался, но ни о чём ни разу не спросил. Во-первых, робел. У меня всегда вызывали невольное преклонение люди, которые работают со словом — самым прочным на земле материалом. Ничего прочнее люди пока не придумали. А во-вторых, пугала его глыбастость в поэзии, все эти космические метафоры, которые восхищают, дают работу уму, но оставляют ровным сердце. После Вашей книги как-то всё успокоилось, нашло своё место, встало по полкам.

Вам — здоровья!

С уважением, **Вячеслав Вьюнов**
Село Тасей, Забайкальский край

* * *

Здравствуй, Станислав Юрьевич. Спасибо за книгу о Юрии Кузнецове. Много узнала об известном поэте, хотя раньше читала, но не так пристально. Есть у меня поэма о поэтах XX века, там я его упоминала. Но изложенные вами детали его человеческой и творческой биографии дополнили образ. Спасибо. Книга заставляет думать — одно из самых важных её достоинств. Вам присуще ввергать читателя в соразмышления с автором, взгляды которого очень не просты.

Конечно, мне из сельской глубинки не стоит особо выступать “критикесой” такого уважаемого издания, потому “растекаться мыслью по древу” не буду. Да и тема весьма деликатная. У меня, верующей протестантки, взгляды отличны от православного исповедания. С Христом знакома с 48-летнего возраста. До того считалась традиционно верующей православной, как крестили при рождении.

Повествование очень насыщено не только рассказами о Кузнецове, но и множеством всяческих параллелей. Трудно воспринимается. Поэзия его довольно мрачная. Мир его “видений” – не совсем то, к чему стоит прислушаться. Желание выступить пророком (дескать – информация с “неба”) – сомнительно.

Покаяние в тяжелейших условиях жизненных ситуаций – это закономерное. Как до беды – так и к Богу! Важно потом оставаться верным этому сердечному искреннему покаянию и уже в соответствии с ним по-новому выстраивать жизнь. Попытка Ю. Кузнецова после покаяния стать судьёй грешным мира сего идёт вразрез с Библией. Как известно, судья нам Бог. Обличать можно, если цель – приведение человека к покаянию. Но как можно обличать ушедших в мир иной? Каждый видит жизнь так, как видит, и поступает так, как поступает. У нас есть эталон человеческого бытия и духа – Иисус Христос. Всё остальное – от лукавого.

С уважением и благодарностью – **Екатерина Липатникова**
С. Мари Турек, республика Мари Эл

* * *

Дорогой Станислав Юрьевич! Прочёл сто страниц “И бездны мрачной на краю...”. И не выдержал – сел за компьютер, чтобы тебе написать это коротенькое письмишко. Читаю медленно, с карандашом, и столько нахожу созвучного мне и родного! Мы с тобой во многом одинаково чувствуем и ценим, и потому восхищаемся Юрой. Потому что все, о чём он писал, – это наше сокровенное, кровное и масштабное в осмыслении истории и судьбы России и русского человека.

Я так рад, что ты назвал его нашим национальным поэтом! Я хочу написать тебе несколько писем после прочтения всей книги. Ты её наполнил глубокими размышлениями о его творчестве и судьбе. Мне кажется, что до тебя так никто не писал о Кузнецове. Прими мою радость и моё сердечное поздравление с замечательной книгой, написанной предельно искренне, ярко и свежо.

Ты расширил и углубил моё представление о его творческом методе и вообще многое растолковал и объяснил со свойственной только тебе искренностью и проникновением в самую суть его удивительной поэзии. Она, как мне думается, во многом ещё загадочна, но уже сейчас я могу сказать, что он был и есть, несомненно, явление выдающееся, лично мне открывшееся после прочтения “Во мне и рядом – даль”.

Царствие Небесное рабу Божьему Юрию, а тебе, Станислав, ещё раз самые тёплые и душевные слова благодарности за эту одухотворённую и сердцем написанную книгу. Поздравляю с успехом!

Твой **Геннадий Морозов**
Касимов

* * *

Здравствуйте, уважаемый Станислав Юрьевич!

Дважды прочитал Вашу работу “И бездны мрачной на краю...” И пришёл к убеждению, что это своего рода Библия в литературном мире, как во временном, так и в познавательном смысле. (Да простит мне Господь дерзость мою!)

Лично для меня многие точки над “i” расставились в понятный ряд, я понял, кто есть кто в поэтическом мире, начиная от сонетов Петрарки и завер-

шая Вашим уважаемым Поликарпычем с его поэмой “Путь Христа” – вечная ему память!

Вся его сущность, весь его поэтический дар бунтаря и философа раскрыт Вами убедительно, веско и с душевным к нему участием: и порицая его, и раскрывая ведущие его помыслы – поэта и гражданина Отечества, предвидевшего многое из того, что сегодня творится в России и в мире!

Не буду задерживать Ваше внимание на многих вещах, восхитивших меня и дающих ответы на мои вопросы, ибо это займёт много места и потребует множества восклицательных знаков.

Но позвольте заметить, возможно и не к теме, но меня возмутили вскользь отмеченные Вами извороты разных *Огрызков*, старающихся испортить и извратить Ваши отношения с Ю. П. Кузнецовым!

Да и вообще во многих Ваших работах и на страницах “Нашего современника” Вами не раз отмечались многие подлости подобных *Огрызков*, старающихся опорочить Вас. Вы же их так сноровисто, по-крестьянски чётко и доказательно припечатываете к позорному столбу лжи и подлючести, а им это вроде всё как *Божья роса!*

И мне думается, что это уже не просто их сволочность в своей ненависти к Вам и России – нет, это уже более того, это уже просто деяния больных людей.

А “Наш современник” помогает быть и оставаться людям в осознанном строю, а не валяться на обочине безверия и растерянности!

С уважением и надеждой, Ваш
Виктор Долбёжкин
Село Яжелбицы

* * *

Здравствуйте, уважаемый Станислав Юрьевич!

Ещё в октябре получил Вашу книгу “И бездны мрачной на краю...” Был искренне рад, что из 1000 экземпляров один – мой, с Вашей надписью! Для меня эта книга – ещё и сигнал того, что я не обременил Вас своими творческими письмами, которые отправил, полагая, что какие-то из них могут пригодиться в работе журнала. На настоящий момент есть только одна тема для журнала, над которой хочу ответственно поработать: написать материал о Вашей новой книге и её содержании. Возможно, это будет не письмо, а эссе или статья. Пока сказать не могу – нахожу свободное время, читаю медленно, с большим познавательным интересом, впитываю не просто смыслы, а существо отношений, составляющее их контекст. Вижу совпадение некоторых своих представлений о Поэте и ряда суждений о нём, представленных в книге. Есть и что-то своё о Ю. П. Кузнецове, что я в своей работе скажу во славу Поэта и Русской Поэзии. Дай, Бог, чтобы этот труд мне удался, и я бы смог его направить Вам.

Пётр Козлов
г. Омск

* * *

Добрый день, уважаемый Станислав Юрьевич!

Большое спасибо за Вашу интересную книгу о Вашем друге по поэтическому творчеству Кузнецове Юрии Поликарповиче. Вот только по прочтении имени её я понял, что не зря три года тому назад вновь обратился к “Нашему современнику”, одному из правдивых, патриотических журналов России, чья большая богатая история последние четверть века ассоциируется с Вашим именем.

Ваша оценка творчества, характера Юрия Поликарповича Кузнецова, неординарности его мышления в разработке той или иной темы в противовес устоявшимся веками церковным догматическим постулатам, разрушавшим канонические принципы, очень профессионально, тонко, деликатно показана Вами в книге.

“Полюбите живого Христа”. Вы хорошо поняли и почувствовали большие изменения в душе друга, тот назревший кризис, непонимание окружения, глубокие переживания, обусловленные несоответствием духовных убеждений и нравственных принципов с реальной жизнью общества, когда душа не находит ответа на главные жизненные вопросы у власти, она обращается к Богу или к Сыну Божьему — Иисусу Христу, всё более “оживляя” его, доверяя ему, веруя в него.

Смятение, тревога в последние десятилетия за состояние общества, за жизнь простого народа, — видимо, это и привело Юрия Поликарповича, сильного, гуманного и справедливого от природы человека, к написанию поэмы и воссозданию образа живого Христа, придав ему самые земные, человеческие черты.

Ваша книга “И бездны мрачной на краю...” — дорогой бестселлер в ряду ранее выпущенных книг, а поэма “Жизнь Христа” Юрия Поликарповича Кузнецова — это его Божий дар читателям, научный литературный трактат, источник оптимизма и показательный пример к написанию таких ярких литературных произведений.

Уважаемый Станислав Юрьевич, я не литературовед и не критик, чтобы давать профессиональную объективную оценку Вашей книге. Я просто высказал своё мнение читателя и журналиста, так как она мне понравилась.

С глубоким уважением к Вам, вашим помощникам
Логашов Валерий Александрович
г. Петровск Саратовской области

* * *

Дорогой Станислав Юрьевич! Почитал Ваш сказ о Кузнецове, Вы — молодец, пишете и пишете, подробно, то есть по-старорежимному, интересно, познавательно, как крупный поэт, как умница и душевный человек, всегда Вас читаю. Чего Вас хвалить?! Всё давно ясно.

К статье о Кузнецове хотелось добавить, что я с Володей Коробовым в году 74-м пытались уговорить Викулова на подборку Поликарпыча. Тот (Кузнецов) отнекивался, говорил, что не даст, но мы уговорили, потому что дружили, часто встречались. Володя в Вашем журнале работал в отделе критики, потом, после ухода Михайлова, его возглавил, ну, Вы его помните. Он был моим лучшим другом, даже на свадьбе свидетелем.

Ну, ладно! Это ответвление. Значит, Кузнецов мялся-мялся, но потом стихи нам передал, помню, там были, как сейчас говорят, его хиты — все нынче знаменитые, как на подбор, но, к нашему изумлению, Викулов их отклонил, и больше Кузнецов в журнал был не ходок (до Вас). Так что Вы правильно написали, я Вам деталь даю, что это так. Викулов как поэт задавил всю поэзию, проза цвела, а поэзию он гнал под себя. Как и Твардовский в “Новом мире”.

С Поликарпычем у меня связаны и совсем уж странные случаи. Он был, конечно, мистик, и христианство его было мистическим, искусственным для него, шёл бы и дальше от 3-х томов Афанасьева. Обижался на Капитолину Кокшенёву, когда она ему прямо об этом писала (о своеволии). Но мистицизма в Вашей статье нет, хотя, повторяю, некоторые случаи я до сих пор не могу здраво объяснить.

Иду как-то по Москве, вдруг в памяти всплыло имя Вадима Неподобы, думаю, откуда? Вспомнил, что из стиха Кузнецова “Прощание с Краснодаром”, который вроде ему и посвящён — Неподобе, тоже другу молодости. А я этого Неподобу не читал и не видел ни разу. Иду, а в голове всё вертится фамилия — Неподоба. И вдруг навстречу Кузнецов. Я ему говорю, так, мол, и так — о Неподобе подумал, ни к селу ни к городу. Он на меня тоже странно глянул: и я сейчас о Неподобе думал. Ну, как это всё объяснить?! Не знаю.

Ваш **Вадим Дементьев**

* * *

Станислав Юрьевич, Ваши размышления о Юрии Кузнецове – умные, глубокие, талантливые. Хорошо, что Вы не замалчиваете и минусы. У большого поэта и минусы его объясняют его плюсы. Я только не могу согласиться с теми местами “Сошествия в ад”, где Кузнецов ставит себя рядом с Богом. Богу нужно молиться, уверовав в Него. Да и Божья кара – это не просто слова. Ведь, смотрите, с Александром Блоком было всё благополучно, пока он не написал “Двенадцать”, где апостолы – красноармейцы, где “В белом венчике из роз – // Впереди – Иисус Христос”. И всё, Блока не стало, до сих пор толком не известно, от какой болезни. Или был Семён Надсон. Пока он не написал свою поэму “Иуда” с главой о распятии, всё было у поэта более-менее, а после поэмы – скоротечная чахотка и смерть. Или Михаил Булгаков, когда он ещё только сочинял свою дьяволиаду с сюжетом об Иешуа Га-Ноцри, и уже начались неприятности, возможно, как предупреждение свыше: пьесы ставить перестали, из театра уволили, жить не на что, а после “Мастера и Маргариты” – смерть. В конце концов, и Юрий Кузнецов умер сразу после своего “Сошествия”. Нет, что ни говорите, а есть в таком ряду какая-то сакрально-мистическая связь между воплощением Божественной темы и смертельной ответственностью авторов перед Богом.

И ещё аспект: известно, чем лучше произведение, тем больше оно порождает подражателей, эпигонов, заимствователей. Поэма Юрия Кузнецова, бесспорно, талантливая, мощная, несмотря на неприятие отдельных мест. Но одно дело – большой талант и другое – **как бы** то же самое. И я абсолютно согласен с о. Александром Шаргуновым, и хорошо, что Вы и такое мнение о поэме приводите.

Конечно, необходим честный разговор, спор, дискуссия на эту сложнейшую тему, и замечательно, что Вы его отважно начали, потому что вся наша так называемая шибко демократическая интеллигенция, захватившая ключевые позиции в радио- и телеэфире, в издательствах, говорить о Юрии Кузнецове не станет. Я вон захожу в книжные магазины Владивостока – полки забиты десятками названий книг всех этих евтушенок, окуджав, высококих, макаревичей, вознесенских, деметьевых, рубальских – несть им числа, но ни одного русского поэта-патриота: ни Рубцова, ни Кузнецова, ни Куняева... А ведь эта политика – против России. Поэтому очень важны, на мой взгляд, такие замечательные работы, как Ваша о Юрии Кузнецове. Хорошо бы в “Нашем современнике” печатать побольше литературоведческих исследовательских статей о современных русских писателях. Вот новый державный роман Александра Проханова “Крым” в 8-9 номерах “НС” – потрясающее произведение! Какое художественное проникновение во властные перипетии нашего времени! Какое убедительное предупреждение! Как глубоко, ярко, драматично показано становление главного героя – Лемехова! Я, честно говоря, без очищающих душу слёз не мог читать некоторые страницы – так хорошо они написаны! Почему бы тому же Владимиру Бондаренко не исследовать в “НС” этот роман, не показать его значение, не объяснить то, что многозначно и глубоко?

Большое спасибо Станиславу Сергеевичу Зотову за его замечательное повествование о Сергии Радонежском, оно прекрасно украсило наш альманах. Пожалуйста, передайте ему его авторский экземпляр альманаха. И, простите ради Бога, если не затруднит, передайте экземпляр и Валерию Николаевичу Ганичеву, я взял (без спроса – винюсь!) кусочек его статьи из “НС” – очень кстати для нашего альманаха.

Дай Бог Вам здоровья, Станислав Юрьевич! Мой добрый привет и все хорошие пожелания редакции.

Ваш **Борис Лапузин**
Владивосток

* * *

Дорогой Станислав Юрьевич! С огромным интересом прочитал вашу новую книгу “И бездны мрачной на краю...” – о творчестве любимого мною поэта Юрия Кузнецова. Как и две предыдущие – “Жрецы и жертвы холокоста” и “Любовь, исполненная зла”, – эта книга заставила читать её от первой до

последней строчки. То, что удавалось Кузнецову в его вселенских стихах, удалось сделать и Вам в книге о нём, о его творчестве, которое, по сути, и есть Вселенная. Стихи Кузнецова должны звучать, должны быть в учебниках и школьных хрестоматиях. А вы как друг и соратник поэта, как “ветеран третьей мировой”, вернули нам его образ, его мятушуюся душу... Ваши глаза несколько раз прооперированы, но все ваши книги – всегда выстрел в десятку. Снайперский выстрел мастера. Желаю вам сохранять вашу удивительную творческую и жизненную энергию, храни вас Бог! Ждём редакцию “Нашего современника” в Тюмени.

Ваш младший соратник – **Сергей Козлов**
Тюмень

Заметки на полях

Закрыв обложку с изображённым на ней небосводом и солнечным диском, рассеивающим тьму, я впервые за 15 лет, прошедших после выхода кузнецовских поэм о Христе, вздохнул с облегчением. Нашёлся наконец – среди нашей подлинной, а не мнимой литературной элиты – человек, сумевший отвести тень хулы и чуть ли не анафемы от великого русского поэта. И самое главное, как он это сделал! Не с филологическим микроскопом в руках, рассматривающим детали до мельчайших крупинки смысла, скрытого за псевдонаучной терминологией и брюзжанием “птичьего” языка. Не с высоты горделивого критического взгляда, снисходительно взирающего на оцепеневшую от этого взора поэзию. Не с говорливостью кричащей публицистики, воюющей с идеологическими мельницами. Не с панибратской усмешкой мемуариста, расшифровавшего дневники минувших лет... Станислав Куняев страдающим сердцем поэта проник сразу и всецело в тайну кузнецовского замысла, разогнав чужие мутные и рваные мысли, не освещённые правдой любви – а ведь только она и способна понять, простить и оценить душу человеческую!

Сразу надо сказать о так называемой “гордыне” Юрия Кузнецова... Не знаю, не довелось мне общаться с ним лично (разговор по телефону – не в счёт!), но если она и была, то исходила не из самооценки личности, а из осознания роли поэта во Вселенной. “Поэт всегда прав!” – говорил Кузнецов. Многих от подобной безапелляционности корбило, и зря: история поэзии подтверждает эту мысль. Взгляд поэта слишком глубок и уходит в бесконечность, ему некогда отвлекаться на сиюминутность и думать о приличиях. Именно это, вероятно, имел в виду Сергей Есенин, когда замечал, что поэт не должен быть скромным. Но как разделить в себе поэтическое и человеческое?..

“Объём знаний о мире был ему дан сразу, – утверждает Станислав Куняев, – а потому он жил и писал, отстраняя от себя многое, что связано с возрастом, личной жизнью, реальными событиями, лирическим воздухом”.

Юрий Кузнецов подходил к оценке поэзии с самой высокой меркой, и не его вина, что большинство современников (и не только!) не выдержали этого экзамена:

*Звать меня Кузнецов. Я один,
Остальные — обман и подделка.*

Вообще Кузнецов смело, хотя и рискованно, отзывался о любых поэтических авторитетах, и критики неистовствовали: “Когда я усмотрел в моем любимом Блоке провалы духа, условный декор и духовную инородность и отметил это в поэме “Золотая гора”, то вызвал волну лицемерного возмущения: как-де посмел! И стали открывать такое: я не согласен с Пушкиным! Я жесток к женщине! У меня не коллективный разум!! И вообще мои стихи вызывают недоумение! Первое, относительно Пушкина, чересчур, но лестно; второе и третье я отвергаю как недомыслие, а насчёт недоумения могу только сожалеть...” (Ответ на вопросы анкеты // Литературная учеба. 1979. № 3. С. 126).

Что касается Пушкина, то Кузнецову припомнили в своё время и строчки из поэмы “Золотая гора” (на которой “Пушкин отхлебнул глоток, Но больше расплескал”, “то есть одарил”, – парировал Г. Муриков), и статью “О воле

к Пушкину”. С некоторыми оценками пушкинского творчества в ней, действительно, трудно согласиться. Однако основной пафос статьи (и этого критики не заметили напрочь!) направлен не против великого поэта, а против замшелости, против стереотипов в восприятии гениальной поэзии, крепко в нас засевших и мешающих проявить свою “волю к Пушкину”. Юрий Кузнецов ругал не Пушкина, а ту часть русской лирики после Пушкина, которая однобоко восприняла и исказила его некоторые традиции. Так что идеалы Кузнецов никак не “задевал”, а просто “смотрел на них глубже, чем принято смотреть”. Между прочим, в кузнецовском стихотворении “Голос” слышна переключка со знаменитым “Пророком”: тот же “Божий глас”, то же проникновенное восприятие Воли Его как светлой Истины: “Светло в моём сердце...”, только Кузнецов более категоричен, когда говорит о Божьей Воле как первоисточнике творческого духа:

— *Сияй в человечестве! Или молчи...*

Пушкин “пригубил” от чаши мифологических откровений, от мистической реки вечности, написав “Анчара” и “Пророка”, но “больше расплескал” во все стороны десятки и сотни жанровых заготовок, необходимых для будущей русской литературы. Потом явились и Гоголь, и Лермонтов, и Достоевский, и Лев Толстой — и все они были благодарны Пушкину за эту творческую жертвенность. А Кузнецову, “богатырю русской поэзии”, была нужна глубина и только глубина: “Юрий Поликарпович, — замечает Ст. Куняев, — неодобрительно и почти брезгливо относился ко всему личному, по его суждению, приземлённому и недостойному витать в высших олимпийских сферах... Мироззренческий спор Поликарпыча с Пушкиным, — размышляет далее автор книги, — то исчезал, то возникал снова, продолжаясь всю жизнь”. Он очень и очень подробно прослеживает, как развивался этот спор, как проникал в другие темы поэта, например, в тему кровного родства. Ст. Куняев приводит цитаты из Ю. Кузнецова, обращавшегося к Пушкину на протяжении всего творческого пути.

Порой возникает впечатление, что вся книга о Кузнецове вышла из этого сравнения-спора. Не случайно на её обложке классики стоят рядом: Кузнецов — чуть пониже. К слову, Пушкина Куняев знает великолепно, цитируя *наше всё* всегда к месту.

Фигура А. С. Пушкина стоит в центре повествования, но не только она. Поэзия Кузнецова, как об этом убедительно пишет Ст. Куняев, удивительным образом соприкасалась с творчеством А. Блока, О. Мандельштама, М. Светлова, А. Прасолова и других поэтов, которых Юрий Кузнецов как один из наиболее образованных литераторов России знал, конечно, не понаслышке, а весьма глубоко, многие стихотворения декламировал наизусть.

И к Николаю Рубцову у Кузнецова было сложное, если не ревнивое отношение. С одной стороны, в юности он пережил рубцовское влияние, с другой — сторонился его в зрелом возрасте, чувствуя дыхание соперника, так же, как и он, жившего в символическом пространстве, правда, не в космосе эпического мифа, а на родных просторах лирической народной песни.

У этих поэтов схожая сиротская судьба. Не замечены были их первые книги, вышедшие в провинции. Расцвет таланта у обоих пришёлся на 60-е годы (хотя пятилетняя разница в возрасте всё-таки сказалась)... После смерти Рубцова Кузнецов постоянно упоминал его имя в своих выступлениях и статьях, называя Рубцова в числе своих кумиров и справедливо считая его “одним из очень немногих поэтов, кому удалась попытка прорыва к большому бытию”. Свою поэму “Золотая гора” Кузнецов опубликовал в Вологде. “Тут было наследование, — считает В. Курбатов, — хотя прямой переключки между поэтами будто нет, здесь было наследование, сознающее себя как противостояние”.

Влияние рубцовской музыки было настолько явным, что его приписывали даже очень ранним (50-х годов) стихотворениям Кузнецова (был такой грех и у автора этих строк. — **В. Б.**).

Позже, пытаясь переболеть рубцовской интонацией в своих стихах, поэт вступал нередко в сознательную, откровенную переключку с ним по принципу “клин клином вышибают”: “Отказали твои пистолеты, Опоздали твои поезда”

(кузнецовские “Тридцать лет”) – У Рубцова: “Пролетели мои самолёты, про- свистели мои поезда” (“Посвящение другу”). Но Кузнецов быстро нашёл свою дорогу в русской поэзии. Эпическое восприятие жизни и предельная насыщенность символической образностью – вот качества, которые “всерьёз и на- долго” вошли в плоть и кровь его стихотворений. Рубцовская традиция оказа- лась плодотворной.

Внешний облик Юрия Кузнецова дан Ст. Куняевым особенно широко, в разных ситуациях, особенно в период его работы заведующим отделом поэзии журнала “Наш современник” (автор признаётся, что замышлял в даль- нейшем передать в руки поэта руководство лучшим патриотическим издани- ем). Впрочем, Куняев двумя-тремя точными уверенными штрихами рисует яркие портреты и других служителей муз, например, Виктора Смирнова: “Вскоре ко мне в кабинет вбежал весьма самовлюблённый и знающий себе цену поэт из Смоленска Виктор Смирнов. Он держал на вытянутых руках, словно нечто непотребное, свежий номер журнала.

– Станислав Юрьевич! – закричал он плачущим голосом, – посмотри, что твой Кузнецов натворил с моими стихами!

Что-то бормоча и тыча пальцами в журнальные строчки, Смирнов, чуть ли не роняя слёзы, пытался объяснить мне, что Поликарпыч так переписал его стихи, так изуродовал, исправляя их, что он, Виктор Смирнов, отказывается признать их своими и требует опровержения!”

В книге множество пронизательных наблюдений, мыслей, не переходя- щих в выводы, – автор дает возможность другим пройти по “железному пути” Юрия Кузнецова. Это и размышления о символах пыли, пути, вещего сна: “Это не просто стихи, – говорит Ст. Куняев. – А может быть, и вообще не сти- хи в обычном смысле слова. Это, скорее, откровения... Этому особому жан- ру поэзии нужны не литературные критики, а истолкователи”, ибо Кузнецов “сражался с невидимым злом, что стоит между миром и Богом”!..

Заключительные главы книги рассказывают о последнем, самом главном, подвиге Ю. Кузнецова, создавшего поэтическую трилогию о Христе, поэму “Сошествие в ад” и незавершенную – “Рай”. С середины 1990-х годов Юрий Кузнецов совершил сверхмощный рывок, он все свои силы бросил на алтарь дерзновенной по замыслу и величественной по исполнению цели: “Задача была приблизить Иисуса к душе русского человека. Я её выполнил” (Из вос- поминаний поэта В. В. Иванова “Преодоление одиночества”).

“Между тем за публикацию поэмы в журнале, – рассказывает Ст. Куня- ев, – высказались, кроме Дмитрия Дудко, и Вадим Кожинов, и Владимир Ли- чутин, и Николай Лисовой.

Против были протоиерей Александр Шаргунов и мой друг Владимир Кру- пин”. Особенно непримиримой была рецензия о. Александра.

Думается, что здесь произошло недоразумение, связанное с принци- пальным различием поэзии (мышления в образах) и богословия. Помнится, что о. Александр Шаргунов выступал и против С. Есенина, посчитав преда- тельством веры его хрестоматийные строки:

*Если крикнет рать святая:
“Кинь ты Русь, живи в раю!”
Я скажу: “Не надо рая,
Дайте родину мою”.*

Протоиерей Александр Шаргунов взглянул на образ рассудочно, не по- стигнув сердцем мысль поэта, пульсирующую в подтексте: без России, без её веры нет спасения, нет рая. Русь Святая – Престол Божий, и если “рать” от- вергает Россию, то никакая она не святая, а только прикидывается таковой. Она похожа на “тень монаха” в стихотворении “Поэт и монах”, написанном Кузнецовым за неделю до смерти. Дмитрий Дудко в своём отзыве, словно по- чувствовав что-то, отметил: “Да, это про нас говорят курганы и сорок соро- ков звонят, чтоб мы возвратились в отчий дом. Через Россию в Царство Не- бесное”... “Утром 17 ноября 2003 года он собрался на работу, оделся, сел в кресло и вдруг сказал:

– Мне надо домой!

– Юра, ты же дома! – сказала жена.

– Домой! – повторил Поликарпыч... Это было последнее слово в его жизни...

Для Юрия Поликарповича создание этой поэмы, — пишет Ст. Куняев, — было его личным, его собственным путём к Богу и к спасению души”.

Не буду вдаваться в подробности и предположения (например, о том, что в образе Монаха Юрий Кузнецов вывел Святителя Игнатия Брянчанинова), так как не силён в богословии, но приведу оценку современного священноначалия: “Культура является богозаповеданным делом человека... и способна быть носителем благовестия... когда влияние христианства в обществе ослабевает или когда светские власти вступают в борьбу с Церковью” (из “Социальной концепции Русской Православной Церкви” (2000)). Если искусство способствует спасению человеческой души, то оно полезно, если ведёт её к гибели — греховно.

Украшает книгу серьёзный и содержательный анализ поэмы “Сошествие в ад”. Нельзя сказать, что до Ст. Куняева не было попыток подобного “вхождения в текст”. Можно упомянуть хотя бы основательную работу Н. И. Ильинской “Между миром и Богом: духовные и художественные искания Юрия Кузнецова” (2008). Но только у Станислава Куняева говорится о *смысле* этого удивительного произведения, давшего подлинную оценку ревнителям так называемых “европейских ценностей”, а также нашим доморощенным грешникам, бунтовщикам и предателям России.

К последним поэмам Юрия Кузнецова критики подходили в большинстве случаев традиционно, со своей меркой, не понимая истинной природы символа, не разглядев его духовной основы. Кроме того, их надо анализировать в контексте всей поэзии Кузнецова, в движении его творческого времени.

Ключ к расшифровке этих произведений всё тот же: Кузнецов как поэт воспринимал христианство мифологически: “Я долгие годы думал о Христе. Я Его впитывал через образы, как православный верующий впитывает Его через молитвы” (“Воззрение”). Своё отношение к православной религии Кузнецов-человек выразил не менее чётко: “Поэзия, конечно же, связана с Богом. Другое дело, что сама по себе религия, и особенно религия воцерковлённая, может существовать без поэзии, в то время как поэзия без религиозного начала невозможна. Поэт в своём творчестве выражает всю полноту бытия, не только свет, но и тьму, и поэтому ему трудно быть вполне ортодоксальным, **не в жизни, конечно, а в поэзии**” (выделено мной. — **В. Б.**). Поэтому мы не можем и не должны переходить на личность поэта и оценивать его как православного христианина. Всё то, что произошло в его душе, он унёс с собой. А вот непостижимая тайна его поэзии будет манить нас всегда.

Размышления о судьбе и творчестве Юрия Кузнецова — одна из лучших, а может, и лучшая книга Станислава Куняева, награждённого за поэтическое и критическое мужество творческим долголетием.

Виктор Бараков
г. Вологда

“Человек очищается через правду...”

Объёмная рукопись страница за страницей таяла в моих руках. В жёстких условиях очередной сессии я довольно скромно её прочла, но книга, несомненно, заслуживает более тщательного прочтения.

Огромный труд, проделанный мастером, впечатляет: он досконально знает источники и приводит множество примеров из литературы. Картина получается объёмная, словно фильм в 3D. Юрий Кузнецов предстаёт перед нами в некоем вымышленном им мире, лучом света пробивается сквозь образ Пушкина, а Станислав Юрьевич предстает в образе рассказчика и талантливого критика.

Несмотря на порой колкие замечания в адрес поэта, чувствуется искреннее, и даже родственное отношение автора к нему. Тщательный анализ стихотворений Кузнецова сродни психологическому разбору... Так глубоко заглянуть в душу человеку, да ещё и разглядеть всю суть — на это способен не каждый. Станислав Юрьевич показал нам мир Кузнецова через пушкинскую призму чистоты искусства и слова.

Может ли пушкинская поэзия служить мерилем искусства и таланта в XX и XXI веке? Автор доказывает: может, если к этому свету возвращаются вновь и вновь все гениальные поэты. Эта тема была затронута и в книге “Любовь,

исполненная зла”, герои которой, сделав выбор в пользу тёмных сил, тем самым губят себя... Нельзя усидеть на двух стульях, и выбор предстоит сделать каждому.

Это не типичная биография или книга воспоминаний о ком-то. Биография души — да. Обращение “Поликарпыч” читается с теплотой, нет фамильярности, искусственности. Автору веришь. Ну, а то, что он в каких-то местах книги отстаивает место Пушкина в русской поэзии и не одобряет кузнецовской критики такой незыблемой вершины, — это правильная позиция.

Удивил и одновременно понравился эпизод с мухой. Очень живой и жизненный. Или про яблоко, которое Кузнецов разрезал и показал сердцевину — перечёркнутый крест.

Представление о человеке складывается из таких вот небанальных историй. Во время чтения рукописи меня не покидало чувство вовлечённости в жизнь поэта, и проснулось острое сопереживание ему.

Верно подмечено автором: есть люди, живущие в настоящем мире и делающие свою жизнь, а есть люди, погружённые во внутренний мир и творящие в нём, — внешне же вроде бы ничего не происходит. Кузнецову не повезло, а может быть, и повезло: он принадлежал ко второй категории людей. Даже биография писать неинтересно.

Недалёкий человек мог бы назвать поэта Кузнецова эгоистом, но Станислав Юрьевич раскрывает невероятную глубину этого человека. Стихотворение “Ладони” меня просто потрясло.

Вообще, дар провидения Кузнецова очевиден в его стихах и созвучен блоковскому, и боль их созвучна.

Не зря Станислав Юрьевич уделил особое внимание “Поэме о Христе” и привёл нам трогательные отзывы значимых в литературных и духовных кругах людей. Раз поэма волнует и разделяет людей во мнениях, значит, в ней есть очень важные моменты, значит, в ней есть правда, негодная кому-то.

Человек очищается через правду, исповедание. Это произошло с Поликарпычем, и оттого, может, смерть его была лёгкой...

Книга написана так, что не заскучаешь. Особое впечатление производит рассказ о работе Кузнецова в “Нашем современнике”, некоторые моменты насмешили до слёз. Здорово, что книга — не набор фактов из жизни и сухое подведение итогов.

Главное — есть над чем задуматься, заодно поразмыслить и о своей поэтической жизни, подвести некоторые итоги и определиться, на какой ты ступени...

Оксана Гребцова, студентка Литературного института
5 курс заочного отделения

“Разве можно так...”

Не могу сказать, что до конца поняла поэзию Юрия Кузнецова после прочтения очерка “И бездны мрачной на краю...” Наверное, мои слова будут несколько еретическими, но просто я люблю тихую лирику, не люблю громогласную трибунную поэзию, в которой много метафизического. Но одно могу сказать точно: Юрий Кузнецов — поэт с большой буквы, потому что соответствует определению поэта, которое дал Есенин:

*Быть поэтом — это значит то же,
Если правды жизни не нарушить,
Рубцевать себя по нежной коже,
Кровью чувств ласкать чужие души...*

Эту самую правду жизни, как мне показалось, Юрий Поликарпович ни на секунду не нарушает, все его определения очень точны, притом, что он постоянно занят поиском этой самой правды жизни. Очень метко, на мой взгляд, уже на первых страницах автор воспоминаний Станислав Юрьевич Кузняев характеризует Кузнецова следующими строками: “Он словно бы искал “неизъяснимы наслажденья” у “мрачной бездны на краю”. Именно такое впечатление у меня сложилось от стихов Юрия Поликарповича, коих я, правда,

немного прочла. И, тем не менее, Кузнецова действительно почему-то безумно интересуют некая тёмная сторона, тёмная сила, хоть при этом он и говорит, что от него будет “свету светло”. Такая двойственность характера и создаёт, по моему мнению, двойственность восприятия творчества Кузнецова. С одной стороны, мне многие его строки показались мрачными, мне даже сначала не понравилось название очерка о нём: “И бездны мрачной на краю...”. Но ведь на самом деле все слова поэта Кузнецова правдивы и справедливы, в них нет ни капли лжи и фальши, одна “победная правда”.

Поражает, как порой Кузнецов умеет соединять, казалось бы, несоединимые вещи и понятия:

*У креста материнской могилы
Рвёт небесная рвота меня...*

До отвращения пробирающие строки. Это — самоистязание, это — правда жизни, от которой никуда не деться, какой бы отвратительной она ни была.

Да, мне не нравятся громкие выражения вроде “Планета взорвана” или “Русское ничто”, но ведь это пророчество, крик души, а может ли крик быть тихим, лиричным? Нет. Ужас и хаос, в который была погружена Россия в 90-е (даже я, хотя и была подростком, помню многие нелицеприятные вещи), вызывает крик. Не только Россия, но и всё мировое сообщество, с его цинизмом, обесцененностью человеческой жизни вызывают отвращение Кузнецова. Юрий Поликарпович не мог молчать, хоть ему и было тяжело, как Вио “...поднимать... заклятые веки... На великую правду и зло...”. А приходилось, потому что не умел молчать, потому что был единым нервом. О, как бы пригодилась его громкоголосая поэзия сегодня на Украине! Не любят сегодня читать, а читали бы стихи Кузнецова — побоялись бы выйти на Майдан, потому что нельзя не испугаться кузнецовских строк о нас, разлетающихся во мраке. А ведь именно это произошло в Киеве!

Заставило задуматься название одной из глав: “Пушкин — наше прошлое”. Нет, Пушкин — всё-таки *наше всё!* А вот с позициями Кузнецова и Куняева относительно того, что Александр Сергеевич христианский или не христианский, поэт я не могу полностью согласиться. Ни тот, ни другой не правы. Во-первых, Пушкин не рассматривал язычество как религию, он увлекался античной культурой, но не языческой верой, его пленяли подвиги античных героев, жизнь Овидия, поступок Митридата, а не вера древних греков как таковая. Мифы, безусловно, интересовали его, но Пушкин чётко понимал, что это лишь красивые сказки, не более. Что касается христианской веры, то Александра Сергеевича и тут нельзя назвать сильно верующим, хотя, конечно, в последние годы жизни и тем более часы перед смертью он многое переоценил, на многое посмотрел иначе и даже покаялся. Как мне думается, Александр Сергеевич просто любил жизнь и людей с их лучшими качествами. Он искал эти качества везде: в живущих, в умерших, в себе. А что касается религии, то она не слишком его занимала. Хотя у Пушкина и Кузнецова есть одна общая черта — противоречивость. Вот как можно одновременно написать “Пророка” и “Гавриилиаду”? До сих пор не пойму. Так и Кузнецов. С одной стороны, “И крик младенца возвестил // День Страшного Суда” (ужасная картина, не правда ли?), с другой — “Так откройтесь дыханью куста... И услышите голос Христа...” Получается, по Кузнецову, с одной стороны, планету охватил ужас, с другой — спасение от него в малом и таком незначительном, в том, что обычно незаметно.

Очень впечатлило стихотворение Кузнецова “В зимнем воздухе птицы сердиты”. Оно мне напомнило есенинского “Чёрного человека” и, конечно, понравилось больше мандельштамовских строк, приведённых в очерке. Согласна со Станиславом Юрьевичем Куняевым, что попытка взглянуть на себя, на человека вообще со стороны у Кузнецова получилась куда более чувственной и афористичной, чем у Осипа Эмильевича!

Уж простите, но отношение Кузнецова к супруге мне не нравится. Что это: “И летала жена на метле?” Разве можно так? Да, не спорю, что творческий человек обречён на одиночество, иначе приходится ломать судьбы близких. Я недавно посмотрела фильм “Зеркала” — о жизни Марины Цветаевой и Сергея Эфрона — и пришла в ужас. Как можно так издеваться над близкими, над детьми? Но при этом я задумалась: а как можно по-другому? Я и сама

ловлю себя на мысли, что порой ужасно обижаю близких своей отстранённостью и желанием побыть одной. Часто слышу упреки в свой адрес. Но всё же мне ни разу не хотелось ни маму, ни брата, ни любимых людей сравнить с бесами, ведьмами. Может, я плохой поэт... Кстати, некоторые поэтессы, например, Белла Ахмадулина, и сами сравнивали себя с валькириями. Вот строчка Беллы Ахатовны: “Взлетаю в бревенчатой ступе балкона...” Ну, собственно, вот женщины и напросились. Сами хотели быть ведьмами, вот и получили. Только я эту бесовщину не приемлю. Мне куда приятнее эпитеты: “Моя мадонна”, “Гений чистой красоты”.

А вот с чем полностью согласна, так это со стихотворением “Полюбите живого Христа”. Да, действительно, Кузнецов словно чувствует что-то, что-то эфемерное, но безумно важное для начала третьего тысячелетия. Это ощущение делает его абсолютно другим. Даже как-то непривычно читать это стихотворение. Мне кажется, до написания поэмы “Детство Христа” и стихотворения “Полюбите живого Христа” Юрий Поликарпович был жутким эгоистом:

*Звать меня Кузнецов. Я один,
Остальные обман и подделка...*

Но на рубеже веков у Кузнецова произошла переоценка ценностей. И вот она, тихая лирика, о которой я говорила и которую так люблю! Я уже привела эти строки, но повторюсь: “Так откройтесь дыханью куста... И услышите голос Христа...” Великолепно! Мне почему-то вспомнилась Анна Болейн, супруга Генриха VIII, отрицавшая Церковь и церковников, за что и была ими ненавидима. Я никогда не была сильно верующим человеком, но порой хожу в храмы, и признаюсь, что с ужасом наблюдаю там шипящих старух, дико раздражаюсь, когда каждый, кому не лень, пытается тебя одёрнуть, шикнуть на тебя. Как мне кажется, Бог — это свет и любовь. Вот почему мне так близко вышеупомянутое стихотворение Кузнецова. Особенно оно важно сегодня, когда каждый, кому не лень, пытается лоб себе расшибить, молясь.

Какой бы противоречивой, трибунной ни была поэзия Кузнецова, она необходима, потому что, повторяюсь, это крик души. Вдвойне приятно разбираться в строках Юрия Поликарповича с помощью рассуждений его друга и товарища по перу Станислава Куняева.

Закончить свой маленький очерк мне хочется строчками Вильгельма Карловича Кухельбекера:

*Горька судьба поэтов всех племён;
Тяжеле всех судьба казнит Россию...*

Екатерина Корнеенкова, студентка Литинститута
5 курс, заочное отделение
Подмосковье

Исследуя бездну

То, что Станислав Куняев взялся за книгу о своём друге и верном соратнике Юрии Кузнецове, совершенно логично и предсказуемо. Удивительным было бы как раз наоборот: его молчание. Поскольку вряд ли кто-то сделал для пропаганды и популяризации весьма непростой поэзии Юрия Кузнецова больше, чем главный редактор “Нашего современника” по должности и крайне цепкий, чуткий на поэтическую глубину поэт Куняев — по сути.

Станислав Юрьевич не без заслуженной гордости замечает, что за 15 лет работы Кузнецова в “НС” было опубликовано 26 подборок его произведений, всего 243 стихотворения. Для автора, не избалованного до этого особым вниманием периодической печати, произошёл настоящий прорыв.

И что там литературный процесс конца двадцатого столетия! “Ни Тютчев, ни Блок, ни Некрасов, ни Есенин, ни Твардовский не удостоивались со стороны печатных изданий такого внимания. В сущности, в самое неблагоприятное для литературы время мы сделали всё, чтобы в читательском сообществе возник своеобразный культ его творчества”, — пишет Куняев.

Вроде как хвастается, но реально — просто констатирует факты с журналистской дотошностью. Вообще, по части фотографической точности и добросовестности повествования книга выглядит образцовой.

Признаться, было ожидаемым столкнуться с чем-то лакированно-возвышенным, с приторно-славословным, до изжоги. Однако друг поэта и ведущий гражданской панихиды на Трекуровском кладбище 17 ноября 2003 года не оскорбляет память действительно ярчайшего поэта второй половины 20 столетия Юрия Кузнецова даже малейшей ложью.

Удачной видится даже начальная глава книги, построенная как диалог со сыном Сергеем на поминках поэта. Станислав Куняев этим вроде как частным, вроде как намеренно субъективным разговором в неформальной обстановке чётко обозначает собственную цель: рассказать о том, что лично знал, что лично чувствовал, с чем лично сталкивался, ничуть не замахиваясь на некое обобщение, не терпящее поправок и иных, таких же субъективных толкований.

Куняев даже, наоборот, намеренно ожидает таких поправок, иногда публицистически заостряя некоторые темы, чтобы наверняка разбудить читателя и вывести его на ответную реакцию. Не случайно уже в самом начале, без раскачек и философских реверансов, он проговаривает, пожалуй, важнейшие вещи.

Вот, например: "...а ведь Поликарпыч, как пушкинский Вальсингам из "Пира во время чумы", всю жизнь дразнил судьбу, азартно заигрывал со злом, словно бы вызывая его на поединок (...). Он ходил по краю тёмной бездны, чтобы разглядеть её суть, её мощь, её масштабы. Она притягивала его, словно гоголевского героя из "Пропавшей грамоты"...".

Поэтическая сила и выразительность поэтических формул Юрия Кузнецова ничуть не затемняет для Куняева существо кузнецовского дара, крайне противоречивого и во многих отношениях неудобного.

Автор не скрывает собственные опасения, которые обозначились ещё при первом знакомстве со стихами своего будущего друга в начале 70-х годов: "...автор, несомненно, талантлив, но в то же время я не чувствую в его стихах лиризма, который составляет суть русской поэтической традиции (...). Меня всегда смущали во многих его стихах... некая мрачная метафизика и некий диктаторский культ воли". Говорится без утайки и о том, что Татьяна Глушкова прозвала Кузнецова Вурдалаком. Не рассуждающему, апологетическому подходу противопоставляется думающая, умная любовь, которая бы переваривала своей всеохватностью и "Я пил из черепа отца", и "Я памятник себе воздвиг из бездны...", и многие другие кузнецовские, а фактически — Вальсингамовские идейные кульбиты.

Для наглядности такого подхода можно привести пример из Александра Боброва, который тоже очень любит Юрия Кузнецова, но который предпочитает любить не Кузнецова как конкретного автора, с оригинальным лицом, неповторимым почерком, с собственной биографией, но любить его, как придуманную им икону.

Бобров предпочитает просто не замечать в Кузнецове того, что не близко его мировосприятию. "Мы сидели с... Юрием Кузнецовым в памятном "пёстром зале" ЦДЛ в перестройку, когда уже начала трещать держава, и на мой вздох: "Не удержать..." Юрий играл желваками и почти кричал: "Нет. Только держава — от Тикси до Кушки. До Кушки!" — эмоционально выстраивает образ поэта Бобров.

Хотя реально нужно ещё поискать другого автора, который бы так много в позднее советское время писал о распаде, разрыве семейных, родовых связей, который бы был столь апокалиптичен, столь бездноцентричен, как Юрий Кузнецов! Который предвидел в своих метафизических видениях и распад СССР, не закончившийся, кстати, до сих пор, и крушение привычной нам цивилизационной модели.

*Мы не восстанем во плоти
Перед лицом Суда.
Да нас и не было почти
Нигде и никогда.
Мы показаться лишь могли
В ту ночь на Рождество.
Мы — сновидения Земли,
И больше ничего...*

Понятно, что такие стихи в полноте любви можно просто отбрасывать, не замечать, “забывать”. Проблема вот только в том, что от искусной идейной селекции поэт не становится другим, и его поэтические мифологемы не начинают восприниматься по-другому.

Да, на словах, во внешнем слое, логически звучало “Только держава!”, но в мистически-провидческих стихах формулировалось-то совершенно иное – одинокое, безысходное, с разрывом времени и пространства:

*Седая старуха, великая мати,
Одна среди мира в натопленной хате
Сидит за столом.*

Станислав Юрьевич предпочитает быть с читателями на порядок честнее. Даже затрудняясь с окончательной терминологией, он зачастую предоставляет решать этот вопрос своим потенциальным собеседникам. Дескать, я думаю так, а вы, если сможете, вольны думать иначе. Главное, чтобы информация сообщалась полная, без изъянов и деформаций.

А вот как раз по части информации книга Куняева по-настоящему ценна. Наполненная самыми различными фактами, наблюдениями, мыслями, замечаниями, она для понимания сути и истинного масштаба личности Юрия Кузнецова выглядит почти образцовой.

От внимательного глаза не ускользает ни одна деталь. А если что-то утверждается, то в обязательном порядке с широким контекстом, с обозначением возможных разночтений. От дотошного повествователя не ускользают даже характерные типографские опечатки-оговорки, когда вместо оригинального кузнецовского “Но русскому сердцу везде одиноко” вдруг появлялся текст “Но русскому сердце везде одинаково” или вместо названия книги “Крестный путь” на обложке неожиданно значилось “Крестный ход”.

Важно и то, что Кузнецов под пером Станислава Юрьевича – живой. Не деланно-плакатный, а, прежде всего, живой. И называет автор его именно так, как в жизни, не играясь, не пытаясь эффектнее выглядеть перед лицом матери-истории, – Поликарпычем.

“Вадим (Кожин). – А. К.) разлагольствовал, а Поликарпыч при этом молчал, выпивал, мрачно улыбался: мол, толкуйте мои стихи, как хотите. Я написал, а ваше дело понимать их, как знаете...” “Мировоззренческий спор Поликарпыча с Пушкиным то исчезал, то возникал снова, продолжаясь всю жизнь”.

Причём, когда от личностно-бытовых деталей разговор переходит к поэзии, то интонация Станислава Куняева чутко меняется, прекрасно ориентируясь в ценностных системах координат. Здесь уже нет “Поликарпыча”, а полнозвучно обозначен “Юрий Кузнецов” или “Юрий Поликарпович”, без сокращений. Как, например, в рассказе об эпизоде с приглашением поэта на северную рыбалку.

“Тяжело ему жить в мире мифов, в мире высокого давления... – констатирует автор предсказуемый отказ Кузнецова от рыбалки. – Оттого и старился он быстрее меня... (...) Так христианин он или нет? Бог с дьяволом у него на равных правят миром, как две вечные силы, как близнецы, выношенные одной утробой (...). А может быть, это своеобразная ересь, бунт против евангельского христианства с языческих высот (или низин), соблазн, который Юрий Поликарпович носил в себе, как родимое пятно, всю жизнь и с которым всю жизнь боролся, приближаясь к другим, Сионским высотам?”

Или в словах сына Сергея о том, как соотносится имя Кузнецова с серией “ЖЗЛ”: **“А что можно рассказать о Юрии Поликарповиче, если все главные события его жизни, все его поступки происходили не в реальном времени, а в мифологическом, то есть “внутри него самого” и воплотились лишь на страницах его книг, в его поэзии? Это особый случай! Он положил на алтарь Поэзии всё. Как он сам писал, поэзия для него была и “отцом, и матерью”.**

Впрочем, Юрий Кузнецов писал даже ещё более беспощадно и откровенно: **“Стихи стали для меня всем: и матерью, и отцом, и родиной, и войной, и другом, и подругой, и светом, и тьмой”.**

При подобном самоотречении вполне логичным становится и другой выбор поэта, который тоже обозначает Куняев: **“Многие его “наваждения”, об-**

лачѣнные в мифологические одежды и зарифмованные... видимо, не сочинялись, не обдумывались, не записывались в виде черновиков, но рождались, скорее всего, мгновенно, в результате метафизического усилия... Этому особому жанру поэзии нужны не литературные критики, а истолкователи, ведуны, жрецы, авгуры...”.

Мистический масштаб личности Юрия Кузнецова невозможно не заметить, и Станислав Куняев бережно воссоздаёт то, что лично знал и видел. Сохраняя для непредвзятого взгляда и слова поэта, что **“ему родиться бы в эпоху Святогора и Ильи Муромца”**, и свои наблюдения, что поэт, **“как лазутчик, часто проникал в адский стан, чтобы “проведать, чем дышит противник”**, вспоминает, как в Калуге они поехали в Тихонову пустынь, а поэт не вышел из машины к святому источнику, но произнёс: “Не могу, не достоин”.

Помимо щедрой фактической составляющей предпринята также попытка выстраивания целостного анализа личности и творчества Юрия Поликарповича. Не упуская при этом из вида ни “юношеские увлечения Западом”, ни разноречивые отклики на поэму “Путь Христа”.

Рассмотрению подвергается и деятельность Кузнецова-редактора, также весьма своеобразная. Например, Куняев вспоминает, как из 20 строк стихов одного поэта в напечатанном виде осталось только 8, “а остальные двенадцать <он> переписал, что называется, до последней буквы”. Или такая история, к которой можно было бы отнестись, как к расхожему анекдоту, если бы это не было чистой правдой.

Одна женщина, знакомая с повадками заведующего отделом поэзии “Нашего современника” Кузнецова, предварительно направилась к главному редактору. Тот перелистал её стихи и сказал посетительнице, чтобы она передала Юрию Поликарповичу, что Куняев к её стихам “отнёсся благосклонно”.

Скоро заплаканная женщина вернулась в кабинет Куняева со словами: “Он ответил... что... в этом кабинете... Куняев – это я...” Смеяться? Плакать от рассказанной истории? Наверное, для начала об этом хотя бы нужно знать.

Даже взаимоотношения Кузнецова с собственной семьёй не прячутся стыдливо в комментарии и фигуры умолчания: **“Однажды он ворвался в мой кабинет весь растрёпанный, помятый, всклокоченный:**

– Нет, ты понимаешь, какой это чудовищный животный эгоизм! У этих самок только и мысли, что о детёнышах!”

Стоило ли говорить это вслух? Нужно ли было сейчас частный разговор делать достоянием массового читателя? Безусловно. Хотя бы потому, что так становятся понятны стихи Юрия Поликарповича, уже являющиеся достоянием массового читателя:

*Я уходил не раз. Она визжала:
“Мы все такие, лучше не найдёшь!”
И эта гибель мне детей рожала!*

Куняев своим чутьём поэта понимает, что эти страшные слова, адресованные своей женщине, нужно как-то объяснить, и объясняет самым лучшим способом, какой только можно выдумать. Объясняет через честный диалог с читателем, ничего не приукрашивая и не скрывая, находясь в поле той высшей достоверности, которая органически всё объединяет и примиряет:

*В этом мире погибнет чужое,
Но родное сожмётся в кулак...*

Наконец, самое главное достоинство исследования Станислава Куняева заключается в представлении объёмной концепции фигуры Юрия Кузнецова. Часто публицистическая работа начинает напоминать своего рода научную монографию.

“Его стихи, написанные им в 20 лет, можно, переставив даты, отнести к концу его жизни. На них нет печати времени”. “Пропускать через свою душу такое количество то светлой, то тёмной энергии небезопасно”. “Поэзия никогда не была для Кузнецова плодом познания, скорее, она была венцом веры”.

Что ни фраза, то готовая искусствоведческая формула, готовый каркас для диссертации. При этом рассказанная хорошим языком, увлекательно,

с качественной интригой. Чего стоит хотя бы эпизод с появлением на кухне у Куняева, как раз в крещенские морозы, мухи.

“Жена схватила тряпку, чтобы прибить наглое насекомое, но я удержал её.

– Муха – любимая собеседница Поликарпыча”.

По большому счёту, единственный недостаток работы Станислава Куняева – её малая величина. Наверняка, о Юрии Поликарповиче он может рассказать гораздо больше, чем говорит. По его собственному признанию: **“В те 90-е годы где только мы не побывали с ним: в Иркутске, в Красноярске, в Калуге, в Ленинграде, в Сталинграде, в Краснодаре, в Новосибирске, в Белгороде. Всего не упомнишь”.**

Вряд ли отговоркой “всего не упомнишь” здесь следует отделяться. Россия должна в максимальных подробностях знать о бытии одного из своих поэтических титанов.

А. Канавщиков

г. Великие Луки, 19–21 октября 2014

* * *

Дорогой Станислав Юрьевич!

Спешу сердечно поблагодарить Вас за очередную книгу “И бездны мрачной на краю...” А поскольку она представляет собою Ваши размышления о поэте мифологическом и мистическом, то и мистика эта не замедлила обнаружиться наяву. Новую работу Вашу я прочитал в журнале. И как раз в момент, когда, закончив чтение в свежем 9-м номере “Нашего современника”, сидел в раздумье, мол, не откликнуться ли на прочитанное, в прихожей раздался звонок. Я открыл дверь и увидел запыхавшегося незнакомого мальчишку. Он, переведя дух, выпалил: “Почтальон просил вручить... чтоб не потерялось...” – и протянул мне пакетик, перевязанный суровьём, и так же внезапно и таинственно, как и появился, исчез. Я даже не успел его поблагодарить. А взглянув на пакет в обёрточной бумаге, тотчас догадался, что это Ваше послание – новая книга, уже освоенная мною в журнальном варианте. Развернул её, открыл и... снова погружился в чтение. В не менее увлекательное, нежели первое.

Как ни грустно об этом говорить, но после ухода из жизни таких авторитетных фигур, как Вадим Кожин, Александр Зиновьев, у нас немного осталось столь же глубоко и оригинально мыслящих авторов, мнение и эрудиция которых были бы бесспорными. Всё больше, даже и в наших народно-патриотических кругах, ныне переёв поверхностных, велеречивых, демонстрирующих стилистику, эмоции и голосовые связки, а не прямое и бесстрашное “мужество мысли”, которое Лев Толстой считал высшим проявлением этого качества в человеке. Разумеется, имея в виду мысль не заёмную и откровенную, как перед Богом.

Так вот среди тех немногих, что ещё способны на такое мужество, я вижу и Вас. Потому и читал Вашу работу с тем “духовным наслаждением”, в котором признался о. Дмитрий Дудко в приложении к ней. Не скрою, что более близкими и интересными для меня в книге явились Ваши раздумья о словесной классике – о Пушкине и Боратынском, Гоголе и Достоевском, Мандельштаме и Рубцове, о таких вечных темах, как Европа и Россия, западничество и почвенничество, “книжно-головная” литература и живой реализм, чем о главном герое повествования. Признавая за ним незаурядное дарование, высоко оценивая его последние произведения – поэтический перевод “Слова о Законе и Благодати”, поэму “Путь Христа” и другие, – всё же должен сказать вслед за Вами, что это “не мой поэт”. И знаете, чего не приветствует в нём моя душа? Даже не отвлечённости, не “умствования” и мифологизма его писаний, а склонности к эпатажу (“я пил из черепа отца” и др.), проявлений надменности и гордыни. Вы скажете, это просто защитная маска “ранимой души”? Рад бы поверить. Но ведь известно, что поэты всегда похожи на свои стихи, более того, их суть и есть их стихи. И она проявляется в строках произвольно.

Конечно, я могу ошибаться, но моя единственная встреча с поэтом, увы, лишь укрепляет во мне такие “подозрения”. Если помните, где-то в начале 90-х, в самые тёмные времена смуты, Вы с группой авторов “НС” – Юрием

Кузнецовым, Надеждой Мирошниченко, Александром Байгушевым – приехали к нам в Красноярск, чтобы встретиться с читателями, привлечь подписчиков журнала. Тогда все мы, просоветские и “прорусские” писатели, были загнаны в катакомбы, и о помощи вам со стороны властей не могло быть речи. Но Олег Пашенко, редактор народной “Красноярской газеты”, правдами-неправдами организовал старенький “пазик” и пригласил меня и Николая Волокитина, тогдашнего ответсекретаря нашего отделения СП, встретить вас в аэропорту. Самолёт прибыл ночью. Зима. Мороз. В “пазике” холодища. Вы все кучкой сели на передние ряды, кроме Кузнецова, который расположился сзади, на отшибе. И меня угораздило присесть к нему – не оставлять же гостя в одиночестве!

И вот едем. До города 40 км с гаком. У вас там оживлённый разговор, смех. Решил и я “развлечь” безмолвного соседа. Спросил о чём-то раз, другой – он молчит. И смотрит в даль “во мне и рядом”. Я попытался изречь нечто “на злобу дня” – он снова не отреагировал. Разве что опустил ещё ниже тяжёлые веки. И так мы играли в молчанку до самой гостиницы. . .

Можно бы, конечно, просто посмеяться над чудачеством мэтра. Однако мне всё это показалось не только странным, а и обидным. “Ну, ладно, – думал я, – пусть со мною, безвестным провинциалом, ему неинтересно. Но ведь должен же он понимать: мы старались дружески помочь, проявить гостеприимство, приехали встречать морозной ночью, позаботились о ночлеге, – так ты хотя бы кивни в ответ или мыкни. Но ни гугу! А это, простите, есть элемент проявления апломба и гордыни.

Вон Рубцов, говорят, тоже характером был не подарок. Но там скорее это внешнее, кураж, ибо в стихах он сама нежность и кротость. Здесь же, боюсь, сложнее. И отпечатки высокомерия, самомнения, к сожалению, мелькают в строках поэта, вроде – “я один, остальные подделка”.

И, знаете, я не верю в какую-то особость “поэтических натур”, как, впрочем, и любых других. Да что я! Помнится, тот же Толстой говорил о Горьком примерно так: “В его книгах всё необыкновенные “герои”. Но в жизни никаких “героев” нет, есть просто люди”. И можно добавить, что нет никаких особых “поэтических натур”, ни “ранимых”, ни “мистических”, есть просто люди. Судьба, поклон ей, дарила мне встречи с большими художниками слова, к примеру, с Евгением Носовым, Виктором Астафьевым, Валентином Распутиным, с учёными-академиками Александром Исаевым, Михаилом Решетнёвым, соратником Королёва, – и все они приятно дивили меня отсутствием позы, простотой обращения. Да ведь и Вы, Станислав Юрьевич, когда-то не просто удивили, а поразили меня при знакомстве своей прямоотой, искренностью, доброжелательностью к “младшему собрату” по цеху, за что я Вам поныне благодарен.

Вы, конечно же, гораздо лучше меня знали и понимали Кузнецова. И я готов поверить Вам, что он значительно “опростился” и “смирился” к закату своих дней. Кстати, история с заменой “великой старости” на “смиренную” представляется мне одной из самых выразительных в его характеристике, да и во всей книге, как и вообще Ваши размышления о гордыне и “простой” человеческой гордости, глубокие, понятные, близкие моему духу. А посему в заключение этого краткого отклика мне хочется приложить свои заметки на подобную тему (частично, правда, бывшие в печати под иным названием), которые могут показаться Вам интересными.

“И ГОРДЫЙ ВНУК СЛАВЯН. . .”

В пору нашей литературной молодости наставники часто приводили нам строки Бориса Пастернака: “Кавказ был весь, как на ладони, и весь, как смятая постель”. В качестве образца предельно точного художественного сравнения. Чуть позднее почти образцовым стало и выданное Андреем Вознесенским сравнение чайки в небе с. . . плавками Бога. Несмотря на очевидное кощунство. И молодые поэты должны были стремиться к чему-то подобному. Помню, мой коллега из местных сравнил колос ржи с. . . львиной лапой и очень гордился этим.

А когда я на одном семинаре встал и с крестьянским здравомыслием спросил: “Допустим, Кавказ похож на постель, ну, и что? Чайка – на плавки, колос – на звериную лапу, ну, и что?” – меня обвинили в тупости и глухоте.

Между тем, классику в употреблении “сложных” метафор-сравнений весьма сдержанны. И если прибегают к ним, то не ради того, чтобы отметить

внешнее сходство чего-то с чем-то, а ради более точного выражения чувства и смысла, ради одухотворения окружающего мира. У Александра Пушкина о буре: “То, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя”. У Сергея Есенина о затурканных нуждой и смутой крестьянах: “Они, как отрувь в решете, среди непонятных им событий”. У Николая Заболоцкого о старой супружеской чете: “И только души их, как свечи, струят последнее тепло”. Без вычурности, просто, органично и весьма многозначительно, в добром смысле этого слова.

Но даже такие “явные” и скрытые сравнения у классиков довольно редки. Они для них далеко не главное средство художественной выразительности. А что же главное? Пушкин сказал что-то вроде: “Поэта делает эпитет”. То есть яркое, образное определение. Сам Пушкин следовал этому правилу неукоснительно. У него почти нет банальных или случайных эпитетов. Они, как правило, новы, точны и выразительны. Ко многим мы с вами просто привыкли, как к “постоянным эпитетам” из народных песен, былин и сказаний. Но попробуйте взглянуть свежим глазом и прислушаться свежим ухом: “От финских хладных скал...”, “Я памятник себе воздвиг нерукотворный...” Или, наконец, вот это, ради чего я горожу весь огород: “И гордый внук славян...”

Да, только так: “гордый внук славян”. Не в смысле – обуянный гордыней, а в смысле – прямой, с чувством самоуважения и человеческого достоинства.

Думается, Пушкин перебрал дюжину эпитетов, но остановился на этом “гордый”, оказавшись самым верным, на его взгляд. Единственно точным. А разве не так? Разве не эту черту, наряду с патриотизмом и удалью, нестяжательством и любовью к справедливости, отмечаем мы среди главных у наших национальных героев и просто ярких исторических фигур, запечатлённых народной памятью? Вспомним того гордого, непокорного стрельца петровских времён, шагнувшего на эшафот со словами: “Отойди, Государь, здесь моё место!” Вспомним “архангельского мужика” Михаила Ломоносова, что ответил Шувалову, вздумавшему пошутить над ним: “Не токмо у стола знатных господ или у каких земных владетелей дураком быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога, который мне дал смысл, пока разве не отымет”. Или того же Пушкина, прямо признавшегося самому Царю: “Я был бы с ними... на Сенатской площади”. Вспомним Ивана Сусанина, протопопу Аввакуму Петрова с боярыней Феодосией Морозовой или Дмитрия Менделеева, величайшего учёного и горячего патриота, даже не избранного в Академию за эти “излишние” русские прямоту и патриотизм.

Да, “гордый внук славян...”

И если у иных народов родилась мудрость: “Лучше быть живым псом, чем мёртвым львом” (зверь явно не из русского пейзажа), то у нашего в почёте другой нравственный выбор: “Лучше умереть стоя, чем жить на коленях”. Или, как изрек Новгород-Северский князь Игорь, обращаясь к “полку” перед сечей: “Лучше убитому быть, чем полонённому быть”...

И об этом знает весь мир. Недаром Бисмарк когда-то сказал, что “русского солдата мало убить, его надо ещё повалить”. А вспомните казачьего есаула Филиппа Миронова, сперва смело бросившего царским сановникам, скорым на расправу с недовольными: “Готов снять чины и ордена, но жандармом не буду!” А позже, будучи уже красным командиром, с не меньшей “дерзостью” заявившему советскому вождю: “Именем революции требую прекратить политику истребления казаков!” И это в тот момент, когда генерал Краснов обещал за его голову 400 тысяч золотом, а комиссар Троцкий призывал первых встречных пристрелить его, “как бешеную собаку”. И оба – за веру в свой народ и приверженность “народному самодержавию”...

А сколько напрашивается примеров из времён Великой Отечественной, да и новейшей истории! Достаточно упомянуть, положим, генерала Дмитрия Карбышева (военного инженера из белых), превращённого в Маутхаузене фашистами в ледяной столб, но отказавшегося служить врагам. Или московскую девочку-школьницу Зою Космодемьянскую, внучку священника, добровольно ставшую партизанкой, которая после лютых мук, принятых от захватчиков, сказала жителям Петрищова: “Русский народ всегда побеждал, и сейчас победа будет за нами”, – и с петлёй на шее бросила извергам: “Всех нас не перешагаете, нас 170 миллионов! А за меня вам отомстят наши товарищи!”

Иные скажут: ну, это война, это история... Однако в жизни всегда есть место не только подвигам, но и просто порядочным, гордым поступкам.

И, слава Богу, у нас ещё немало людей, способных на эти поступки. Взять хотя бы поэта, редактора “Нашего современника” Станислава Куняева, который в дни переворота, когда опричники префекта Музыкантского в Москве пришли реквизируют Дом писателей и предъявили некую “ксиву”, просто разорвал её на глазах коллег. И они вместе отстояли писательский штаб. Или писателя-фронтовика Юрия Бондарева, гордо отказавшегося от награды из рук новых правителей – разрушителей великой Державы. Или талантливого артиста, бывшего детдомовца, ставшего последним министром культуры в Советском Союзе, Николая Губенко, который, как я читал, брезгливо отклонил предложение сыграть роль Георгия Жукова, маршала Победы, с... “постельными сценами” в очередном фильме пакостников – очернителей прошлого, хотя ему сулили за это гонорар аж в 750 тысяч “баксов”...

Да, “гордый внук славян...” И, повторим, отнюдь не потому, что спесив, самовлюблён, одержим греховной гордыней, а потому, что превыше всего ставит честь, достоинство, справедливость. И что бы ни сочиняли ныне лукавые щелкопёры о “рабской душе” русских людей, как бы ни обзывали их “детьми Шарикова”, косоруками “дармоедами” и “оккупантами”, жив он, “гордый внук славян”! Ему по-прежнему чужда сатанинская гордыня, он по-прежнему простосердечен и простодушен, но это не значит, что у него нет гордости. Да, согласимся, чувство это было искусственно принижено и частично придувлено в нём. Ведь семьдесят с лишним лет он без передыха тянул колымагу интернационализма, впоследствии, как оказалось, никому не нужную, “сидел” на постной соломе, уступая отборный овёс красовавшимся пристяжным, понатёр в пути плечи и растерял подковы, но его ещё рано списывать на живодёрню. Тут надежды выющихся над ним оводов, слепней и прочего гнуса неоправданно оптимистичны. Он не загнанная кляча, а лишь укатанный на горках Сивка-Бурка и утомлённый Холстомер, который при добром уходе ещё покажет свою летящую рысь, свою русскую иноходь.

Тому порукой – картина текущих дней. Ведь и сегодня, в “рыночные” времена, разве не он же, не русский, не славянский “коняга” тянет главную лямку на тощей пашне, редком заводе, в воинском строю на суше и на море?

Пока ушные ребята из числа советников, экспертов и серых пиджаков “офисного планктона” с мушиной быстротой плодят сомнительные экономические прожекты, сводящиеся в основном к перераспределению дармовых, ранее созданных благ (да ведь и сам рынок – это вовсе не производительная сила, но лишь инструмент распределения продукта), рабочий, трудящийся человек, – а в России это на 85 процентов! – русский человек, “доит, пашет, ловит рыбицу”, куёт, строит, печёт и варит. И уже ясно, как день, что спасение наше придёт не от чудодейственных программ и указов, а именно от этого кропотливого, ежедневного созидательного труда. От мастерства и умения, которых не занимать россиянам, и не в последнюю очередь – “гордому внуку славян”.

Кажется, это начинают понимать наши мудрые поводыри разных рангов, погрязшие было в политических сварах, дворцовых интригах и пустых, безответственных речах. Даже на самом вершине озаботились вдруг дефицитом толковых инженеров, механиков и задались вопросом, как поднять престиж рабочих профессий. И уже звучат ответные предложения, что, может, стоит для молодых ребят, выбравших рабочие специальности, утвердить систему поощрений. Или, например, возродить движение наставничества, как было в советские времена. Что ж, неплохо, наверно, поразмыслить и над этим.

Но главное, думается, надо срочно что-то менять в системе, так, чтобы она нуждалась не в бесправном и полуграмотном рабе, завезённом извне, готовом жить в скотских условиях и работать за гроши, а была прямо заинтересована в настоящем мастере. Своём, отечественном, русском Левше, знающем, смекалистом и умелом, который способен гарантировать качество самого высокотехнологичного продукта, но, конечно, требует и соответственного уважения к себе и к своему труду.

А без этого уважения, морального и материального, мы мастера-умельца не воспитаем, не удержим в стране, и все наши разговоры об инновациях-модернизациях останутся блефом. В том числе и в сфере “оборонки”, какие триллионы рублей ни вколачивай в неё. Ведь если верны данные нынешних социологических опросов, согласно которым почти две трети призывников заявляют, что они не будут воевать с оружием в руках за “эту страну”, то мы

имеем дело просто с катастрофой. И корни её – в многолетнем унижении человека труда, рабочего класса, “гегемона”, нагло превращаемого в посмешище рыночными властями и продажными борзописцами. Так что начинать придётся не только с закачки средств, но и с пробуждения национального самосознания народа, прежде всего, – “гордого внука славян”. С возвращения ему чувства человеческого достоинства, самоуважения, самостояния и гордости за своих предков и современников, за свою страну.

А возрождение этих чувств и черт неразрывно связано с воспитанием, с привитием трудолюбия, тяги и уважения к мастерству. Ибо не зря говорят в народе, что мастер – везде властен.

Бывший главный приватизатор советского имущественного наследия и ярый ненавистник русского наследия духовного, как-то выступая перед своими однопартийцами, единомышленниками и поделщиками, дал им “нажитый” совет: “Побольше наглости!” Нам же с вами, дорогие радетели и печальники России, приспела пора обратиться к собратьям с призывом: “Побольше гордости!” А если иные напомним, что главная добродетель православного всё-таки смирение, то согласимся с ними в смирении перед Господом и ближними, но не перед недругами Отечества!

Доброго Вам здоровья, дорогой Станислав Юрьевич, и творческого долголетия.

С поклоном, **Александр Щербаков**
Красноярск

* * *

Уважаемый Станислав Юрьевич!

На страницах Вашей книги живёт дух стихотворений самого Юрия Поликарповича. Таких поэтов, как он, единицы в сонме литераторов. Вы провели красной нитью через всю книгу понимание строк, которые “не могут “сочиниться” – они могут только “привидеться” и появиться сразу во плоти...”

Вы пишете, что В. Кожин восхищался стихами Кузнецова и что сам поэт “сравнивал себя с древнерусским столпником”:

*Древо жизни умирает стоя,
Но стоит и мне стоять велит.*

Как будто все стихи свои он писал стоя... И ещё, к приведённым Вами строкам из его стихотворения, где он пишет, что “Безмолвствует народ” и “Очами духа светит щит молчанья” (я бы добавил – “и терпенья”) Вы привели слова А. С. Пушкина “народ безмолвствует”, а можно добавить и Т. Г. Шевченко – “народ мовчыть, бо благодэнствуе”. Вы нашли характеристику теперешнего текущего времени и помогли понять то, что о нём сказал Юрий Поликарпович.

Кузнецов охарактеризован Вами, как “не лицемерный, прямолинейный и не зависимый ни от чьего мнения...” Вот из-за этого “неудобства” его и не печатали при Викулове. А это Ваш собственный вывод: “Неудобный он был поэт и для “русско-советских правых” и, тем более, “для еврейско-советских левых”. Потому и царило молчание, как Вы отметили, когда Юрия Поликарповича не стало – он при жизни “их” не устраивал. Символично и письмо именитых подписантов, “обличающее руководство телеканалов, организовавших заговор молчания вокруг смерти знаменитого русского поэта”.

В книге хорошо представлено, что творчество Юрия Поликарповича связано с народом, с его ценностями, что “Юрия Кузнецова, в первую очередь, притягивали к себе глубинные, тёмные, не щадящие чувств нынешнего цивилизованного обывателя, заповеди народного бытия, выплывающие, по убеждению поэта, “из бездны, где слова молчат”. Вот она – линия его творчества! Но где та грань, которая отделяет тёмное от светлого? Каждый день мы можем увидеть и осознать отделение тёмной ночи от светлого дня сумеречным состоянием. Но грань-то эта размытая, смешанная! Грань перехода. Переход из одного состояния в другое и обратно. Это же наша жизнь: радость и печаль, смех и плач, счастье и горе – всё познаётся в состоянии “перехода”.

Вы правы: чтобы быть русским поэтом, мало писать на “русском языке” – нужно иметь “прививку русской истории с её пониманием по-пушкински”. Хорошо Вами подмечено, что ещё с пушкинских времён Европа “в отношении к России была всегда столь же невежественна, сколь и неблагодарна”. Да ведь ничего не поменялось с тех пор, и Юрий Поликарпович понимал это. И нынешняя история подтверждает правоту Пушкина.

Читая книгу, я как будто прочитал часть истории поэтической России и СССР и пришёл к выводу, что нет отдельной поэзии: ямбы, хореи, амфибрахии, дактили, анапесты, – а есть большое многомерное зарифмованное пространство, где живут поэты вместе с Кузнецовым, только уровни жизни по высоте разные.

Говоря словами Вашего стихотворения “Случай на шоссе”, Кузнецов был “не волен изменить предначертанный путь”.

Завершаю словами, сказанными протоиереем Дмитрием Дудко: “Помоги Бог всем литераторам, особенно русским, нести слово истины, пробуждая свои и другие души. Много горя и грязи сейчас у нас на русской земле...”.

Станиславу Куняеву

*Ни памяти о нём не умалив,
Ни своего не уронив лица,
Достоинство поэта сохранив,
Рассказ Ваш дотянулся до конца!*

*Ему был слишком близок мир иной —
И от того, что стих сразился с тьмой;
И оттого, что всюду был он — “свой”,
Он, уходя, сказал родным: “Домой!”*

А. Шерник
г. Алма-Ата